

110995(198414)

ТОМСКИЙ
КРАЕВОЙ
МУЗЕЙ =

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
И ОБЗОР ТОМСКОГО
КРАЕВОГО МУЗЕЯ

М. ШАТИЛОВ

Томск
1927 г.

*Многообразие
М.Д. Сергеев (Многообразие)
5/11*

ПРОВЕРЕНО
1968 г.

Томский Краевой Музей

38

110995(198414)

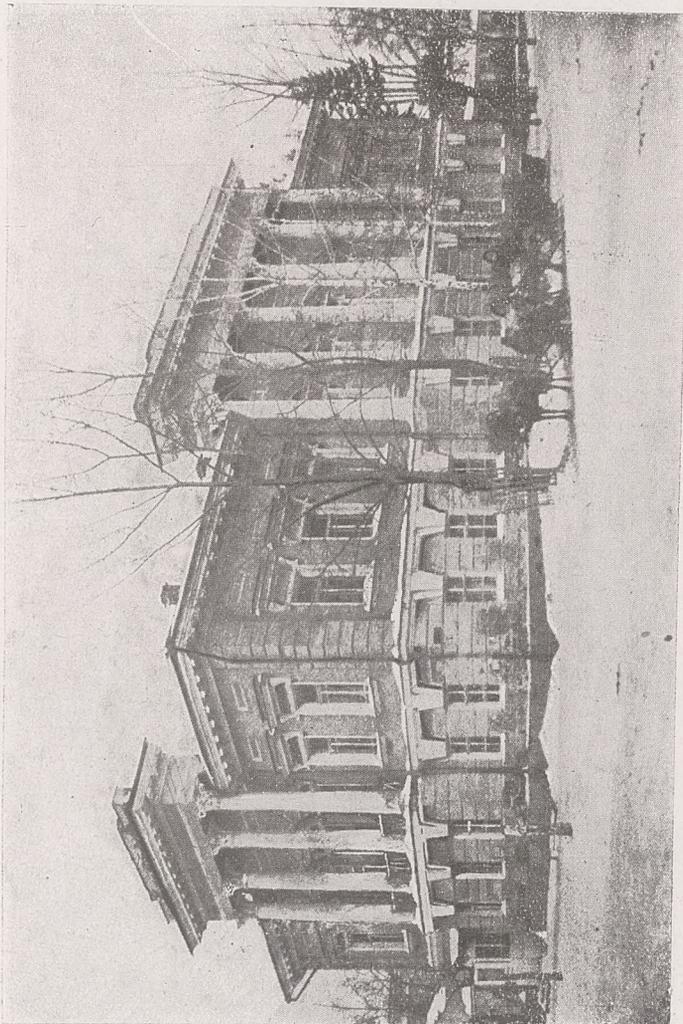
ПРОВЕРЕНО
1948 г.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
И ОБЗОР
ТОМСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ

М. Шатилов

Томск. Окрлит № 1771. Тираж 250 экз.
Томск. Тип. Издат. „Красное Знамя“

Главное здание Томского Краевого Музея.

М. ШАТИЛОВ.

Исторический очерк и обзор Томского Краевого Музея.

(1922 г.—18 марта—1926 г.)

ВВЕДЕНИЕ.

Приступая к историческому очерку Томского Краевого Музея, возникшего всего лишь в 1922 г., невольно задаешься вопросом о прошлом г. Томска в отношении его музейной жизни.

Наиболее культурный город в Сибири—Томск—эти „Сибирские Афины“ до сих пор не имел своего Музея, как общественно-научного учреждения. Как же это случилось и чем это объясняется? Несомненно это странное явление имеет свои основания в особых условиях местной жизни, в историческом прошлом Томска. В свое время мне приходилось беседовать по этому поводу с Гр. Н. Потаниным, который объяснял это таким образом:

В то отдаленное время, когда в Сибири возникал первый отдел Географического Общества в Иркутске (75 лет тому назад), и в последующие два десятилетия Томск был захолустным трактовым сибирским городком—городом ямщика и купца, не имея достаточного кадра местной интеллигенции, почему, конечно, здесь не мог возникнуть Отдел Географического Общества, а вместе с ним и Музей. Со времени же пробуждения русской общественности,—в 60-ые годы, когда в Томске уже создается ядро местной передовой интеллигенции, все силы, все внимание местной общественности направляются на создание Сибирского Университета именно в Томске.—Усилиями этой интеллигенции, неослабной, горячей пропагандой идеи созданием Сибирского Университета сибирскими публицистами Н. М. Ядринцевым, Г. Н. Потаниным и др. создается в конце концов первый рассадник знания в Сибири—Университет, с которым соединялись все чаяния и надежды на светлое будущее страны. Могли ли в таких условиях отвлекаться местные общественные силы на создание местного Музея—конечно нет—они все были поглощены большой идеей создания Университета! Со времени основания Университета при нем быстро возникают один за другим ряд Музеев—ботанический, зоологический, минералогический, археологический и др., при чем, располагая научными силами, Музеи эти сразу же получают характер Музеев областного значения. Опять при подобном положении как будто нет места общественной инициативе по созданию местного Музея, тем более что возникшие Музеи долгое время не чуждались общественности, особенно Музей этнолого-археологический, основанный со времени возникновения Университета. Музей этот содержит чрезвычайно ценные собрания по археологии.

Несмотря однакоже на наличие этих Музеев при Университете, которые к тому же со временем замкнулись в академическом кругу, в Томске имеется ряд начинаний по созданию местного Музея, как создания общественной инициативы.

Так в 1893 г. был основан при Обществе попечения о народном образовании „Музей прикладных знаний“, имевший, как видно из его

наименования, специальный характер. В 1913 г. в нем были следующие отделы: минералогии и геологии, ботаники, зоологии, палеонтологии, этнографии, сельско-хозяйственный отдел, горнопромышленный и промышленный, насчитывавшие всего 8 означенному моменту 5694 предмета и библиотеку. Музей имел собственное помещение — пристройку к главному зданию Бесплатной Библиотеки. Музей был открыт для посетителей, которых в среднем в год приходило до 3000 человек; Музей до последнего времени пополнялся. В Комитете Музея одно время состояли известный статистик — эконом С. Швецов, Г. Н. Потанин и др. местные общественные работники. К большому сожалению и стыду Томска Музей этот совершенно погиб за последние годы. В 1919 г. Музей был передан в ведение Института исследования Сибири в Томске и можно было надеяться на дальнейшее развитие Музея. Но в 1920 году за короткий промежуток времени, когда Томск стал уездным городом, а Ново-Николаевск губернским, этот последний вывез к себе все экспонаты и оборудование Томского Музея. И в Томске не нашлось в то время ни органа местной власти, ни голоса общественности, которые бы стали на защиту местного Музея.

Здесь необходимо также отметить существовавший в Томске около 40 лет „Педагогический Музей“, закрытый всего лишь в 1924 г. Музей кроме чисто педагогического материала имел также и значительные коллекции по всем отраслям естествознания. Материалы этого Музея перешли частью в школы 2 степени, частью в Подтехникум.

В то же время изучение Томского Края помимо академических исследований ведется Обществом естествоиспытателей и врачей при Томском Университете, Зап. Сиб. сельско-хоз. обществом, Сибирским Геологическим Комитетом, Обществом Сибирских Инженеров, Обществом истории, археологии и этнографии при Университете, Сибирским Научным Кружком Томских студентов и наконец Томским Обществом изучения Сибири.

Это последнее Общество, с 1909 г., сплотившее все местные научные и общественные силы, на первых же порах занимает одно из первых мест среди научных организаций Сибири и заменяет собой местный Отдел Географического Общества, распространяя сферу своего влияния даже за пределы Сибири. Обществом был организован ряд экспедиций, среди которых особого внимания заслуживает экспедиция проф. М. Н. Соболева и М. И. Боголепова в Монголию для изучения торговых сношений Сибири с Монголией. Общество систематически издавало свои „Труды“. Прекратило свое существование Общество в начале революции.

В 1919 году в Томске в результате Всесибирского Съезда научных работников создается Институт исследования Сибири, закрывшийся в 1920 году. Изучение местного края, а также работа в масштабе более широком — сибирском, благодаря наличию в Томске крупных академических сил, ведется таким образом все время. Все отмеченные организации в то или иное время имели свои научные издания...

Попытка создания в Томске Музея уже областного характера возникает в 1911 году, когда по представлению группы местных общественных деятелей Томская Городская Дума вынесла постановление об учреждении в Томске „Сибирского Областного научно-художественного Музея“, ассигновав на первое время на его постройку 50.000 руб.

Созданный Комитет по учреждению Музея разработал подробный план организации будущего Музея, наметил место его постройки, а

также приступил к сбору экспонатов Музея, которые и поступили затем в ведение „Института исследования Сибири“.

Музей было решено построить на месте Воскресенской пожарной каланчи, т. е. где „опнулась“ русская колонизация и культура в пределах Томского Края, где был основан „Томской город“ в 1604 г. Помимо этого приступлено было к подготовительным работам по созданию „Музея под открытым небом“ в пределах большого лагерного сада на крутом обрыве берега Томи в конце Садовой улицы—Тимирязевский проспект. Здесь проектировалось устанавливать типовые и чем либо замечательные жилища народностей Томского Края со всей их домашней утварью, орудиями промысла и проч. Широким планам так хорошо начатым однако же не суждено было осуществиться. Развившаяся мировая война погубила это большое культурное начинание в самом его основании; за время войны дело это совершенно заглохло и лишь время революции воскресило вновь идею создания Музея в Томске. Таким образом мы видим, что эта идея имеет свою значительную историю, богатую и глубокими замыслами и широким размахом, не лишенную и жестоких терний. Почва для создания Музея, соответствующая научно-общественная атмосфера создавалась годами и в этом отношении Томский Краевой Музей возник не на „пустом месте“; идея его выношена давно, имеет благоприятную среду и в этом залог его дальнейшего развития и прочности существования!

I. Зарождение музея.

Начальный момент в истории возникновения Томского Краевого Музея, документально зафиксированный, относится к 14 февраля 1920 года, когда специальной Комиссией был произведен осмотр мебели бывшего архиерейского дома, так называемого дома Асташова, являющейся ценным образцом мебели стиля „Ампир“ и самого здания—этого ценнейшего художественно-архитектурного памятника 40-х годов в том же стиле „Ампир“. В результате осмотра этих памятников искусств упомянутая Комиссия в составе художников Д. Ильина, Г. Засыпкина, М. Берингова и М. М. Полякова постановила: „констатируя факт уничтожения и порчи весьма редких памятников искусства XIX века в бывшем архиерейском доме, Комиссия в интересах сохранения в дальнейшем уцелевших предметов постановила: 1) сделать опись предметов, 2) немедленно предложить Отд. Нар. Образ. объявить охрану означенных в описи предметов государственной важности, взять их на учет и установить непосредственную охрану их, 3) для сохранения обстановки необходимо предоставить помещение бывшего архиерейского дома под „Музей старины и революции“, 4) обо всем вышеизложенном довести до сведения Наркомпроса тов. Луначарского“.

Мы не могли не привести в подлиннике этого документа по истории возникновения Музея, послужившего исходным пунктом во всей дальнейшей работе по его созданию.

Вскоре при п/о искусства Губнаробраза создается секция по охране памятников искусства и старины, куда привлекаются профессор Университета Б. Л. Богаевский, Б. П. Денике, В. Ф. Смолен, худ.-архитектор Л. М. Шиловский и студ. археолог И. М. Мягков.

Определяющее влияние на работу секции получает худ.-архит. Л. И. Шиловский, который, являясь идейным вдохновителем секции и фактическим исполнителем большей части ее начинаний, поставил дело охраны памятников архитек. старины Томска на должную высоту;

в 20-ти обходах Томска, протоколы которых сопровождаются ценными набросками и описаниями, Шиловский совместно с группой художников—Тарским, Засыпкиным, Беринговым и др., зафиксировал большую часть подлежащего охране в г. Томске и того, что нужно зарисовать... Часть особенно ценных памятников была отмечена, как „уники“. В целях охраны памятников искусства и старины было опубликовано соответствующее постановление Ревкома с подробным перечнем архитектурных памятников, подлежащих охране („Знамя Революции“ 28 окт. 1920 г.).

В плане отмеченной работы велась последующая деятельность секции; велись зарисовки, фотографирование. Шиловским также были сделаны доклады и написаны статьи (в рукописях) на темы „Художественные сокровища Томска“, „Томская деревянная архитектура“, „Загорная улица“ и ряд статей: „Сибирские впечатления“. Его работам, говорит А. Н. Тихомиров, („Искусство в Сибири“ журнал „Северная Азия“ 5—6 книга 1925 г.) искусствоведение Сибири обязано рядом ценных, еще не опубликованных работ. Прекрасный архитектор... Шиловский, человек европейской культуры в два последние года жизни в Томске проделал огромную работу; им приоткрыта новая страница в истории русского искусства—обращено внимание на красоту деревянного городского зодчества, почти не сохранившегося уже в Центральной России и еще живущего своеобразной жизнью в деревянных городах Сибири. Шиловский интересовался главным образом отражением „ампирных“ тенденций в постройках....

По мере развития и укрепления секции, она в мае мес. 1920 г. преобразуется в под/отдел Наробраза по охране памятников искусства и старины с тремя секциями: 1) охраны художественных памятников—зав. худ. Берингов, 2) охраны археологических памятников—зав. проф. В. Ф. Смолин, 3) музейной—зав. проф. Б. Л. Богаевский. Председатель п/о Л. И. Шиловский.

Работая в тяжелых условиях, медленно старался главный работник Л. И. Шиловский; с февраля 1921 года болезнь его—чахотка усиливается и в мае сводит этого энтузиаста в могилу. Личный состав п/о претерпевает сильное изменение. Заведующим назначается худ. А. Н. Тихомиров, заведующим архитектурной секцией худ. Проскуряков. Учитывая значение в прошлой работе п/о Л. И. Шиловского, его приемники вскоре после его смерти устраивают выставку его памяти, на которой были представлены художественные работы покойного в количестве до 200 экземпляров. На выставке были прочитаны доклады худ. Вериги-Чудновской, Тихомировым и Засыпкиным. Выставку посетило за 14 дней около 1000 человек.

Это была вторая художественная выставка устроенная п/о охраны памятников искусства; первая выставка, собравшая все наличные художественные силы Томска того времени, была устроена весной 1920 года.

Имея в основе план работ, намеченный упомянутыми выше архитектурными обходами Томска, п/о продолжает начатые Шиловским работы—обходы, обмеры, зарисовки и фотографирование.

Осенью 1921 г. была устроена третья по счету художественная выставка, состоявшая из художественных произведений, собранных п/о для художественного отдела будущего Музея и из художественных зарисовок по архитектурной старине Томска.

Археологическая секция совершает несколько небольших поездок по окрестностям Томска в целях археологических раскопок—Басандайка,

с. Спасское, с. Вороново, с. Уртам, давшие некоторые археологические материалы и наконец производит небольшие раскопки Томского Могильника при участии В. Ф. Смолина и И. М. Мягкова (1920 г.), а также обследование неолитической стоянки близ устья р. Томи у с. Иштана.

К тому же времени относится поездка специальной Комиссии из представителей Геологического Комитета, Общ. Истории, археологии и этнографии и Под'отдела на ст. Юрга Сиб. жел. дор. для раскопок останков мамонта. В результате этих раскопок будущий Музей обогатился ценным собранием отдельных частей костяка мамонта.

Худ. Проскуракова в результате своей поездки в Нарымский край обогатила коллекции будущего Музея очень ценным собранием бронзы из с. Подгорного Чаинской волости. Эта бронза была обнаружена случайно при раскопке целины.

К осени 1921 г. в Под'отдел поступили: вся обстановка бывшего дома Асташова—стиля „Ампир“, коллекция предметов искусства и культуры—Китая и Японии—Полумордвиновой, коллекция по нумизматике, искусству и культуре Китая и Японии С. Ф. Иванова, сойотская коллекция—сборы С. К. Просвирниной, картины Сурикова, Кончаловского, Зеленовского. Гуркина, Малявина, Бурлюка, Янкуса и других художников, а также археологические материалы произведенных сотрудниками раскопок.

В 1920—21 г.г. собирается в Томске исключительное число работников значительной художественной квалификации, многие, из которых впоследствии выдвинулись в наших культурных центрах. В это время в Томске работают, между прочим, след. худож. скульпторы: Шарламов, Просвиркина; архитекторы: Шиловский, Засыпкин; живописцы: В. Чудновская, Берингов, Горбунов, Иванов, Лапин, Лямин, Машкевич, Милашевский, Оболенский, Корин, Лобанов, Поляков, Тарский, Тихомиров, Хазов, Мако-Тюменцева, Игнатовская, Гусева и др. Несколько в стороне от секции художников стоит исконный томич Н. Ф. Смолин и В. М. Мизеров. Из художников среди военно-пленных необходимо отметить Рудольфа Ваккера.

„Работа секции художников в 1920-21 г.г. говорит А. Н. Тихомиров в статье „Искусство в Сибири“ дала еще одно начинание, правда, скорее в виде некоторой разведки в будущие возможности. Это была так называемая красноармейская художественная студия, несомненно подлежащая быть отмеченной среди ряда студий, функционировавших в городе. Эта студия особенно интересна даже не тем, что выдвинула 10—16 прекрасных дарований, даже не тем, чего они достигли, самое многообещающее было то, что у этой группы выработалась небывалая черта коллективное сотрудничество на основе общего, своего нового ощущения человека и мира. Этого не было у мастеров индивидуалистов предшествующей эпохи.... НЭП очень быстро изменяет положение.... начинается быстрый раз'езд художников. Вскоре ликвидируется факультет общественных наук, включавший в себе остатки филологического факультета.

Из Томска уезжает профессор Б. Л. Богаевский, с именем которого, как Ректора Университета, в художественной жизни Томска была связана многообещающая возможность. Профессор Богаевский выдвинул и поддерживал план создания художественного техникума, который в академической части своей работы опирался на силы Университета, а в производственной части руководился бы секцией „ИЗО“...

Начинание было ликвидировано зав. Сибнаробразом Чудиновым, ведшим линию на ликвидацию Томска, как культурной базы*).

С 1 января 1922 года под'отдел преобразуется в Губернский Комитет по охране памятников искусства и старины (Губмузей). Со второй половины февраля работа Губмузея получает при содействии Зав. Губоно—Тизанова прочную почву в смысле передачи ему помещения,—доселе занимавшегося Губнаробразом,—бывшего дома Асташева.

II. Открытие музея.

По получении специального помещения в течение месяца все материалы будущего музея стягиваются в его помещение, размещаются картины и художественные зарисовки архитектурной старины Томска и 18 марта 1922 года Музей открывается в составе следующих отделов: 1) зал живописи и старого Томска—собрание картин (56), зарисовок и фотографий (245), 2) зал художественных работ по конкурсам первых двух лет революции (премированные проекты, плакаты, панно и др.), 3) парадный зал стиля „ампир“ бывшего дома Асташева, 4) Зал Востока—(вышеотмеченные коллекции по искусству Китая и Японии). 5) зал 30-х годов XIX века (интимная обстановка „ампир“), 6) зал археологии (материала археологических раскопок) и библиотека (около 300 книг). Музей занимал в это время верхний этаж здания. Отмеченные материалы получены различным способом, как например: художественные зарисовки архитектурной старины есть результат планомерной деятельности музейных работников; картины частью, поступили из различных складов из реквизированного имущества; частью куплены у авторов, частью пожертвованы ими; зал Востока—коллекции Полумордвина и С. Ф. Иванова, резная китайская мебель из реквизированного имущества со складов; богатейшая сойотская коллекция—сборы худ. Просвириной по поручению Губернского Кустарного Комитета в 1917 г. получены после большой борьбы из Губпрофобра, часть из этих материалов (шитые шелковые полотнища) пожертвованы С. К. Просвириной.

Всего при первой инвентаризации материала к осени этого года было зарегистрировано 637 номеров, а всего по Музею насчитывалось 1200 предметов. При открытии Музея было устроено публичное заседание, на котором заслушаны два доклада: худ. А. Н. Тихомирова: „Музейное строительство РСФСР“ и И. М. Мягкова: „О задачах музейной работы“. Вечером того же дня был устроен вечер в связи с празднованием дня Парижской Коммуны, на котором А. Н. Тихомировым прочтен доклад „О творчестве Густава Курбе—как художника Коммуны“.

Таким образом начальной датой жизни Томского Краевого Музея, как такового, днем его открытия должно считать 18 марта 1922 года, когда был открыт „Томский Губернский Музей“, который в процессе его возникновения мыслился различно—„Музей старины и революции“, „Музей изящных искусств и революции“, когда этими названиями видимо намечалась и самое его содержимое и наконец „Губернский Музей“—наименование к сожалению безпредметное.

Апрель месяц был посвящен ознакомлению с Музеем—этим новым культурным завоеванием Томска, широких кругов населения, путем

*) А. Н. Тихомиров: „Искусство в Сибири“ журнал „Северная Азия“ 5—6 книга 1925 года.

открытия Музея для обозрения и проведения массовых экскурсий. В целях объединения художников в музейной работе за это время устраивались художественные понедельники, на которых между прочим были сделаны доклады А. Н. Тихомировым на тему: „Эдгард Дега—реалист-индивидуалист“ и №№ „Творчество Вл. Маковского“.

В мае месяце А. Н. Тихомирову удалось совершить поездку в одно из старинных сел по Иркутскому тракту—с. Семилужное с целью обследования его архитектурной старины. В результате обследования мы имеем значительное количество зарисовок чрезвычайно интересных образцов старинной сельской архитектуры и собрание исторических документов, относящихся к прошлому с. Семилужного. За то же лето другой сотрудник Музея—И. М. Мягков совершает поездку в Сургутский край на р. Юган в целях этнографических сборов; в результате этой поездки Музей получил интересную коллекцию бисерного шитья отдельных частей костюмов юганских остяков и образцы орнамента на изделиях бересты, а также некоторые предметы домашнего обихода.

Вторая годовщина смерти Гр. Н. Потанина, скончавшагося 30 июня 1920 года в г. Томске, была отмечена торжественным заседанием, посвященным его памяти; на заседании прочтены доклады: 1) художницей С. К. Просвирниной „О поездке в Урянхайский край в 1917 году“ и произведенных там автором этнографических сборах и художественно-этнографических зарисовок, 2) Леонова: „Гр. Н. Потанин и изучение Монголии“.

В конце июня месяца по распоряжению Губоно упраздняется Комитет по охране памятников искусств и старины (Губмузей); А. Н. Тихомиров отказывается от заведывания Музеем. Зав. Музеем назначен И. М. Мягков, который однакоже скоро уезжает из Томска. С 1 сентября 1922 г. заведующим Музеем назначается Шатилов М. Б.

В сентябре мес. Музеем устраивается большая осенняя художественная выставка—четвертая по счету в жизни Музея. В выставке принимают участие художники: Мизеров, Рокачевский, Н. Н. Введенский, Поляков М. М., А. Н. Тихомиров, Н. Ф. Смолин, Панышин, Рождественский и др. Выставка, имея более 200 экземпляров, прошла с большим успехом, закрепляя вновь за Музеем положение культурного очага.

Несколько ранее в Губоно возникает мысль о создании в Томске „Дома Просвещения“ по опубликованному тогда НКПР нормальному положению о них. Начавшаяся работа по созданию Дома Просвещения и его дальнейшее существование играет в жизни Музея на протяжении полуторых лет непосредственно видную роль и в дальнейшем косвенно и отражается на Музее самым пагубным образом, являя собой урок совершенной недопустимости хотя бы слабой зависимости Музея, как научного учреждения, от какой либо общественно-политической организации.

По организации Дома Просвещения все материальные возможности были обращены на этот последний; Музей был лишен совершенно всякой материальной основы и номинально был причислен к Дому Просвещения, как его вспомогательное учреждение. Дом Просвещения в соответствии с его заданиями развертывал главным образом политпросветительную работу, почему, естественно, Музей оказался в незавидном положении, его работа, его нужды расцениваются как второстепенные и, наконец у него появляется несколько распорядителей. Однако же работа Музея продолжается, ведется кропотливая работа по инвентаризации, определению музейных материалов, их классификация, размещение и наконец пополнение Музея.

III. Музей и секция краеведения.

При организации Дома Просвещения на ряду с другими его секциями музейными работниками была предусмотрена секция Краеведения, которая при создавшемся положении, при отсутствии Комитета по делам Музеев, отсутствии у Музея всякой материальной базы, являлась единственно возможной формой привлечения музейных работников к работе.

В тоже время в Музее все более и более укрепляется краеведческая тенденция и в октябре месяце Музей получает вполне определенное, соответствующее его заданиям и его сущности наименование — „Томский Краевой Музей“.

Формально музейные работники организуются в секцию Краеведения лишь 18 декабря 1922 года в составе: Н. Н. Бакай, М. В. Бородкиной, Ф. Ф. Вержбовича, В. И. Иванова, В. Г. Косыгина, Л. Н. Краевской, И. Д. Серебрянникова, М. Б. Шатилова и Б. П. Юхневича. Было принято положение о секции и избрано правление секции в составе: Председатель М. Б. Шатилов, секретарь Л. Н. Краевская и члены: Н. Н. Бакай, К. Г. Косыгин, Б. П. Юхневич. Правление секции с этого момента по неписанной конституции Музея становится его коллигиальным органом управления, как бы Советом Музея и вся музейная работа ведется от имени секции Краеведения, почему в дальнейшем мы и будем говорить везде о Музее. Секция имела всего 32 действительных члена и 35 членов-сотрудников по губернии.

В целях популяризации идеи краеведения устраивается ряд публичных лекций, где между прочим выступает с тремя лекциями покойный профессор Томского Университета В. В. Сапожников на тему: „Физико-географический очерк Западной Сибири—Южная горная окраина Сибири“. Здесь нельзя не отметить, что из официальных академических кругов В. В. Сапожников первый за это время проявил живой интерес к Музею и вошел активно в его работу.

В целях популяризации показательным путем идеи охраны памятников искусства и старины в январе 23 г. устраивается выставка „Памятники архитектурной старины Западной Сибири“, на которой было представлено более 600 экспонатов—планов, обмеров, описаний, фотографий и главным образом художественных зарисовок памятников архитектурной старины Томска и сельских местностей Западной Сибири. Выставка сопровождалась рядом докладов: 1) худ. Тихомирова: а) „Сибирские впечатления“ и б) „Архитектурная старина Томска“ по материалам Л. И. Шиловского, 2) худ. Тихомирова: „Архитектурная старина с. Семилужного Томского у.“ 3) инж. Н. И. Молотилова: „Памятники архитектурной старины—крестьянских построек Западной Сибири“. Доклады богато демонстрировались соответствующими материалами. Выставка имела большой успех—ее посетило за 2 недели более 1700 человек. Выставка несомненно укрепила положение Музея в это трудное время его жизни.

В дальнейшем работа Музея велась в следующих направлениях: а) организационно-техническом, б) научно-исследовательском, в) по охране памятников искусства и старины и г) культурно-просветительном. Организационная работа выразилась в объединении некоторых научно-общественных сил по краеведению и работе в Музее, в проведении технической работы по систематизации материалов Музея, их размещении и инвентаризации и в установлении связи Музея с местами путем создания сети членов-корреспондентов.

За зимний сезон 23—24 г. проведены между прочим мероприятия, давшие основание для дальнейшей работы по охране памятников искусства и старины. В недрах Музея назревает мысль о создании художественной студии, которая и состоит номинально при Доме Просвещения как и самый Музей.

Студия, проработавшая до марта месяца, об'единила все наличные художественные силы Томска и художники за это время принимают живейшее участие в жизни Музея. Затем в мае месяце проведено через Губисполком постановление об учреждении Губернского Комитета по охране памятников искусства и старины (Губмузея) в следующем составе: Председатель—представитель Губоно З. С. Гайсин, члены: М. Б. Шатилов и Б. П. Юхневич, а также проведено обязательное постановление Гика об охране памятников искусства и старины. С этого момента работа по охране памятников старины проводится через Губмузей и вся его работа протекает совместно с Краевым Музеем, о чем в дальнейшем будет указано особо.

В мае месяце 23 года разработан план и принято постановление о создании новых отделов Музея—естественно-исторического и общественно-экономического. Осенью проводится по местному бюджету самостоятельная смета по Краевому Музею на 1923—24 бюджетный год с установлением трех штатных единиц по Музею и одной по Губмузею с оплатой всех вместе 45 руб. в месяц. До сего же времени по Музею работники не оплачивались и никаких ассигнований вообще на нужды Музея не имелось. Отопление и услуги сторожа были от Дома Просвещения, в Музее отапливалась одна рабочая комната.

В феврале месяце 1924 г. закрывается дом Просвещения, а затем реорганизуется в дом работников Просвещения и секции Краеведения, как таковая, формально кончает свое существование с апреля месяца. Таким образом секция Краеведения, как форма об'единения музейных работников существовала с 18 декабря 22 г. по 23 апреля 1924 года.

19 мая 1924 г. организуется вместо Правления секции Совет Томского Краевого Музея в составе: Председатель М. Б. Шатилов, члены: Бакай Н. Н., Введенский Н. Н., Полонский А. П., Юхневич Б. П. С этого времени Музей занимает самостоятельное положение.

Обращаясь к научной и культурно-просветительной деятельности Музея, кроме выше уже отмеченной работы в этом направлении, со времени основания секции до октября месяца, т. е. до 1923—24 акад. года должно отметить устройство публичных лекций, докладов.

С января месяца по октябрь 23 года, исключая три летние месяца, когда Музей был закрыт, проведено 12 публичных заседаний, на которых сделаны следующие доклады: Н. Н. Бакай „К вопросу о последних днях жизни Н. Г. Чернышевского в Сибири“. Два доклада Н. П. Карповой по этнографии Алтая: а) „Алтайцы, их прошлое, быт и нравы“, б) „Алтайцы, их верования—шаманизм и бурханизм“. М. Б. Шатилов: „Новости сибирской научной литературы“, М. Б. Шатилов: „Вопросы краеведения в прошлом и настоящем“. И. М. Мягков: „Современное состояние и работа научных учреждений Петрограда“. На заседании памяти Гр. Н. Потанина в день третьей годовщины со дня его смерти (30 июня 23 г.) были прочтены доклады: М. Б. Шатилова а) „Потанин и изучение местного края“, б) профессора В. В. Сапожникова: „Потанин, как путешественник“ и в) В. Н. Наумовой-Широких: „Заслуги Потанина в изучении фольклора“.

На об'единенном заседании Краевого Музея, Томского этнолог.-археол. Музея при Университете и Общества естествоиспытателей и

врачей при Университете,—заседании, посвященном памяти скончавшегося в июле месяце 23 г. академика Д. Н. Анучина были сделаны доклады: профессора В. В. Сапожникова: „Научные заслуги Д. Н. Анучина“; преподавателя университета А. К. Иванова: „Биография Д. Н. Анучина и его научные заслуги“ и члена Краевого Музея И. М. Мягкова: а) „О находке мамонта близ Томска у д. Белобородовой в 1923 г.“ и б) „Неолит около с. Иштана Томского у.“.

Помимо докладов и публичных заседаний за это время было устроено 5 публичных лекций в театре Д. П., а именно: 4 лекции профессора В. В. Сапожникова из цикла: „Физико-географический очерк Западной Сибири“—две лекции на тему: „Южная горная окраина Сибири“ (Алтай и Саян) и две; „Сибирская низменность,—степная, лесостепная полоса и тундра“, и лекция преп. Университета В. Н. Наумовой-Широких: „Памяти поэта-сибиряка Федорова-Омулевского—творца песен народной жизни“.

За летнее время Музей принял участие в работах губернских летних педагогических курсов, на которых работниками Музея помимо практических работ проведено 6 лекций: Н. Н. Бакай: „Изучение края по историческим памятникам“, И. М. Мягкова: „Охрана и изучение памятников старины“ и 4 лекции М. Б. Шатилова: а) две лекции: „История краеведения в Сибири“, б) „Задачи Краеведения“, в) „Краевой Музей и народный учитель“.

Помимо этого культурно-просветительная работа велась при посещениях Музея отдельными посетителями и экскурсиями, с которыми велись беседы—лекции; Музей с января по июнь месяц посетило 4256 человек, 42 экскурсии, учащихся, профсоюзов и воинских частей. Летнее время Музей в связи с ремонтом был закрыт.

За летнее время велась внутренняя работа по Музею; его пополнению, созданию при нем библиотеки по краеведению, а также сбору для музейной охраны книг исторической и библиографической ценности; за это время Музей пополнен 1697 экспонатами и 2167 книгами и было положено начало естественно-историческому отделу.

За то же время, не располагая никакими средствами (сметы Музей еще не имел), Музей проводит небольшое обследование на местах: 1) И. М. Мягков совместно с преп. Унив. А. И. К.... совершает поездку в дер. Белобородову близ г. Томска для раскопок остатков мамонта в берегу р. Томи. Бивень и некоторые части костяка мамонта доставлены в Музей, 2) Совершена поездка З. С. Гайсина (при служебной командировке) в Щегловский и Кузнецкий уезды в целях охраны памятников искусства и старины, в результате чего приняты меры к охране Кузнецкой крепости и домика Достоевского в Кузнецке“, о чем подробнее будет указано ниже, 3) Поездка Б. П. Юхневича на хутор Степановка близ Томска в целях охраны построек, возведенных декабристом Г. С. Батеньковым за время его жизни в Томске в ссылке с 1846—56 г.г.

IV. Комитет по охране памятников искусства и старины.

С возобновлением деятельности Губ. Комитета по охране памятников искусства и старины (Губмузея). 8 мая 1923 г. вся органическая работа Краевого Музея по охране памятников искусства и старины ведется общими силами с Губмузеем и этот последний выступает особо лишь как административный орган в случае необходимости проведения тех или иных формально-правовых мероприятий по охране

памятников. Так Губмузеем приняты меры по учету и охране картин худ. Вучичевича в г. Щегловске. Картины эти в количестве до 250 после трагической смерти худ. Вучичевича близ Щегловска в 1920 г. оказались частью выставлены в Народном Доме, частью разбросаны по разным учреждениям и в кладовых Нардома в совершенно несоответствующем их назначению положении.

Двенадцать картин из этих работ Вучичевича были перевезены в Томск для размещения в Краевом Музее. Среди картин вывезенных в Томск между прочим находится большое полотно, имеющее исторический интерес. „События в Томске 20 октября 1905 г.“ (пожар Управления Сиб. жел. дор.).

При поездке З. С. Гайсина в Кузнецкий край установлена связь с местными небольшими Музеями в руднике Кольчугино, Прокопьево и в гор. Кузнецке. В результате той же поездки Гайсина им было проведено в Кузнецке обследование по плану выработанному Музеем, Кузнецкой каменной крепости, домика Достоевского и развалин кузнецких церквей. Кузнецк обладает единственным на всю Сибирь—памятником древняго каменного крепостного строительства. И этот замечательный и единственный в Сибири памятник старины за годы революции подвергся большому разрушению,—во время разгрома Кузнецка бандой Рогова в 1920 г. разгромлена часть крепостных строений, сожжены ценные архивы, разгромлены также и высоко-художественные памятники церковной архитектуры—старинные Кузнецкие церкви.

По акту составленному 19 августа 1924 г. представителями Кузнецкого Уездного Исполкома с участием З. С. Гайсина крепость оказалась в следующем состоянии: „стены снаружи в сохранности, с внутри местами разобраны. Имеется 5 пушек производства 1801 и 1802 г.г. „Екатеринбург и/камеэ“ и расположены в следующем порядке: 1—с одним колесом 1801 г. на углу переднего фасада с северной стороны, 2-я с двумя колесиками 1802 г. на переломе фасаде с южной стороны, третья без колес (180... какого года не отмечено). В период весенних каникул (неделя Пасхи) любителями сильных ощущений сброшена с крепости наружу с высоты около 15 аршин и лежит поперек дороги Кузнецкого тракта, 4-я 1802 г. без колес подверглась той же участи, спущена на внутреннюю насыпь с высоты около 2-х аршин и 5-я без колес 1802 года находится на крепости. По середине двора деревянная часовня крытая тесом с чугунным крестом на куполе, пол разобран, двери и рамы также расхищены“.

При проверке на месте установлены следующие изменения: 1) 1-я пушка сброшена с крепости с высоты около 15 аршин наружу, колеса не оказалось, 2-я пушка стоит на месте, но похищено одно колесо остальные три пушки находятся в прежнем положении. На южной стороне глухие ворота приспособлены под караульное помещение порохового погреба. От часовни крыша и корпус наполовину разобраны, на куполе чугунный крест стоит на месте. На северной стороне вдоль северного вала арка выходная разрушается грозит обвалом. Северный вал вокруг порохового погреба разрушен. У здания каменной крепостной церкви над главными воротами расхищено железо с крыши, с окон четыре рамы с северной стороны и 3 рамы с южной стороны.

Вход в главные ворота и два нижних отделения представляют собой скотный двор, где постоянно находится скот—лошади и коровы.

С внутренней стороны и частично снаружи камни со стен крепости разобраны. В общем разобрано со стен около 15 куб. сажен камня.

Местхозом разобрано несколько зданий каменных и кирпичных и добытый строительный материал пущен в продажу. Всего добыто строительных материалов около 30 куб. сажен.

Крепостная площадка частично завалена строительным мусором в количестве приблизительно 10 куб. сажен.

Домик Достоевского по улице имени „Достоевского“ под № 23.

Крыша пришла в ветхость, местами протекает, владелица этого дома гр. Дмитриева, за неимением средств произвести ремонта не в состоянии.

Разрушена точно также почти до основания—(остались обгорелые стены) старинная основанная в 1764 году прекрасной архитектуры Одитриевская церковь, в которой между прочим венчался Ф. М. Достоевский в бытность свою в ссылке в Сибири на Исаевой 6 февраля 1857 г.*).

В результате обследования по представлению Губмузея было издано обязательное постановление Губисполкома о принятии решительных мер к охране крепости, церкви и домика Достоевского. Соответствующее представление сделано Губмузеем и в Главнауку и в Сибнаробраз. В Музее имеется план гор. Кузнецка, Кузнецкой крепости 1836 г. и зарисовки крепости худ. Тютикова 1920 г.—зарисовки различных частей крепости и общего ее вида—всего 9 зарисовок.

Ознакомившись из доклада Б. П. Юхневича с положением построек возведенных декабристом Г. С. Батеньковым на хуторе Степановка близ Томска за время его ссылки в Сибирь, Губмузей принял формальные меры к охране этих строений от дальнейшего разрушения. Строения эти были сданы под особое обязательство по охране и проведения необходимых ремонтов учреждению, арендовавшему хутор Степановку—Педтехникуму. Затем при обследовании хутора из закрытой на нем церкви были получены ценные иконы старого письма, а также иконы с особыми надписями, относящимися к истории возникновения хутора и наконец две книги с автографами Г. С. Батенькова. Книги эти присоединены к другим музейным материалам, составляющим „уголок декабриста Батенькова“, о чем будет речь особо.

Помимо непосредственной переписки с местами, их инспектировании по охране памятников старины было проведено через Губисполком обязательное постановление 18 января 1924 г. об охране и регистрации памятников искусства и старины, а также проведено анкетное обследование местных музеев, музейных, краеведческих ячеек. В результате некоторой связи с местами и отмеченных мероприятий волна самовольных раскопок, как это отмечалось выше, пала,—за последние годы подобных сведений Музей не имеет.

Летом 1924 года произведена опись имущества, находившегося в так называемом „домике Федора Кузьмича“ в Томске. Как известно, об этом загадочном старце—Федоре Кузьмиче, скончавшемся в Томске 1863 г. существует легенда и целая литература о его загадочном прошлом, „высоком“ положении и особых причинах, побудивших его оставить это прежнее положение..... В домике к моменту осмотра по акту составленному при этом оказались следующие предметы: 1) иконы без риз в киотах—7; 2) иконы по дереву без риз—23; 3) киоты пустые—2; 4) иконы на бумаге—11; 5) лежанка деревянная—1; 6) деревянное изголовье—1; 7) стул с мягким сиденьем—1; 8) два простеночных сто-

*) Булгаков: „Ф. М. Достоевский в Кузнецке“—XXIII иллюстрир. приложение к газете „Сибирская Жизнь“ к № 221, 10 октября 1904 г.

лика и один угловичек. Домик был взят на учет Губмузея, но оставался в ведении Комхоза. В октябре месяце того же года было обнаружено, что „домик“ занят под квартиру сторожа общежития Рабфака, помещающегося на том же дворе, причем все имущество из „домика“ было расхищено или выброшено. Принятые меры к розысканию имущества не дали результатов. Домик самый находится на учете Губмузея.

В 1924 г. Музеем возбужден вопрос в Правлении Университета о создании в помещении Главной Библиотеки Университета Кабинета Гр. Н. Потанина, куда должно быть помещено все литературное наследство Потанина, размещенное до сих пор в разных комнатах библиотеки. По ряду причин вопрос этот получивший в Правлении Университета принципиальное разрешение в самом начале, практически задерживался разрешением целый год и лишь 2 января 1926 года Губмузеем получено официальное сообщение о решении Правления организовать в одной из комнат Библиотеки Университета „кабинет Гр. Н. Потанина“, куда помещается все его литературное и научное наследство—рукописи, переписка, библиотека и т. д.

В марте 1924 года Губмузеем получен на хранение в Краевом Музее из Томского Уездного Исполкома старопечатные (19 книг) и рукописные (7 книг)—всего 26 книг, реквизируемые Том. Уисполкомом при особых обстоятельствах в д. Араловой Таловской волости Томского уезда у гр. Нифонтова. Книги эти представляют большую научную ценность, как в отношении историческом, так и палеографическом. Среди книг особого внимания заслуживают: 1) большая рукописная книга „Степенная книга“, являющаяся по заключению историка Н. Н. Бакай, первым в Сибири экземпляром этого литературного труда XVI в. позволим себе привести выдержку из заключения Н. Н. Бакай о ценностях некоторых книг:

„Не подлежит сомнению, что „Степенная Книга“ написана была в 1560—1563 году. Строй „Степенной Книги“ и приемы расположения позволяют определить ее, как исторический сборник статей, расположенных в генеалогической системе, преимущественно биографического содержания. Хотя в „Степенной Книге“ нельзя видеть сознательной попытки в XVI в. в систематизации русской истории, все же не подлежит сомнению, что названное произведение, как исторический сборник, оказало очень заметное влияние на развитие древне-русской исторической мысли. Автором ее нужно признать лицо, принадлежащее к духовному сословию, Андрея—Афанасия.

Рукопись написана на французской бумаге XVI в. с водяными знаками*). Детальное научное изучение этого первоисточника еще не закончено. Далеко еще не собраны и списки „Степенной Книги“. И в этом отношении найденный Томским Уисполкомом список „Степенной Книги“ представляет интерес.

Другая рукописная книга, это „Хронограф“ составлена в начале XVII в. „Хронографы“—сборники преимущественно с историческими легендарными сведениями были собраны прежде в небольшом количестве и в нескольких редакциях.

В Сибири же списки „Хронографов“ были найдены только в единичных экземплярах, да и то не вполне сохранившихся. Уже этим одним обуславливается ценность настоящей находки.

*) В России производство писчей бумаги, пригодной для переписки, нужно отнести только к концу XVII и началу XVIII века.

Из печатных книг обращает на себя внимание старинное евангелие, начатое печатанием в 1574 г. и оконченное в 1575 г. Печатал эту книгу первый русский книгопечатник „Петр Тимофеев сын Мстиславцев“. Напечатана она в Вильно.

Экземпляр сохранился хорошо. Очень ценны для истории искусства заставки и металлические изображения. Сохранившиеся экземпляры изданной книги считаются единицами“.

Наконец в августе 1925 года взято на учет Губмузея деревянное здание бывшей старой архиереской церкви в ограде Алексеевского мужского монастыря. Здание это являлось прекрасным памятником деревянного церковного зодчества стиля „ампир“. Зимой 1926 г. здание сгорело.

В связи с административным переустройством Томского края были закрыты по финансовым соображениям два местных Музея—Мариинский (в г. Мариинске) и Нарымский (в с. Колпашево Нарымского края). Имущество Мариинского Музея принято на учет—Музей предположено в будущем открыть. Из Нарымского Музея часть экспонатов перевезены в Томский Музей.—Сеть местных Музеев по Томскому краю таким образом сократилась; остался один Краевой Музей и несколько небольших зарождающихся местных Музеев, как например Анжерско-Судженский, Прокопьевский и некоторые другие.

В связи с деятельностью Губмузея, необходимо отметить чрезвычайно важную по ее последствиям для Музея работу Губернской Междуведомственной Комиссии по проведению в жизнь постановления Сов. Нар. Ком. от 19 апреля 1923 года о закреплении за Главмузеем на местах недвижимого имущества в целях создания специальных средств для государственной охраны культурных ценностей.

Комиссия постановила закрепить за Главмузеем в лице местного Краевого Музея имущество в Томске в 1) усадьбу по Ленинскому проспекту № 40, занимаемую Музеем и во 2) дом, принадлежавший ранее П. И. Макушину, где помещался его книжный магазин (ул. Равенства № 5). Одним из оснований для постановления Комиссии по 2 пункту послужило заявление П. И. Макушина с просьбой о закреплении этого имущества за Краевым Музеем, так как и ранее по планам П. И. Макушина имущество это предназначалось для создания фонда для будущего Областного Музея в Томске. Центральная Междуведомственная Комиссия при Нар. Ком. Просв. утвердила это постановление 8 апреля 1925 года полностью, но вследствие обжалования Губисполкома дело перешло в Совет Нар. Ком., который (прот. 13 июля 1925 года за № 32) постановил закрепить за Томским Краевым Музеем усадьбу, занимаемую им в настоящее время по Ленинскому проспекту № 40, т. е. бывший дом Асташева, упоминавшийся ранее, и здание бывшей домово́й церкви, закрытой в 1922 году и превращенной Губоно в зрительный зал, отменивши решение Центральной Комиссии о закреплении бывшего дома Макушина. Это постановление СНК, хотя и урезавшее решение Центральной Комиссии, все же коренным образом изменяет к лучшему положению Музея, обеспечивая его раз навсегда собственным помещением, на которое теперь уже никто не может претендовать.

V. Совет Музея.

Позволим себе вкратце отметить деятельность Совета Краевого Музея со времени его возникновения—23 апреля 1924 г. до последнего времени. Совет начал работать с отмеченными далее изменениями в

следующем составе: Председатель — М. Б. Шатилов, члены Совета: Н. Н. Бакай, Н. Н. Введенский, А. П. Полонский, Б. П. Юхневич. С ноября 24 года в состав Совета входит И. Г. Лаврентьев, как зав. ест. истор. отделом.

С января 1925 года в работах Совета до настоящего времени принимает участие научный сотрудник Музея по отделу археологии и востока И. М. Мягков. С 4 апреля по 1 сентября членом Совета состоит П. П. Славнин, как заведующий общественно-экономическим отделом Музея. С 12 мая 1925 года до настоящего времени состоит членом Совета М. А. Слободский — как представитель Общества изучения Томского края. Н. Н. Введенский с июня месяца 1925 года выбыл из Совета и наконец с 1 сентября 1925 года по 30 мая 26 г членом Совета состоит М. В. Бородкина, как заведующая общественно-экономическим отделом Музея.

Совет за время своей работы в 1924 году имел 12 заседаний и в 1925 г. — 23 заседания — помимо этого происходили заседания объединенные с Губмузеем. На заседаниях Совета разрешались вопросы различного характера — адм.-хоз., обществ., организац. технические, научные и просветительные.

Среди многочисленных вопросов проработанных и разрешенных Советом Музея позволим себе вкратце отметить представляющий наибольший общественный интерес.

За время работ Совета состоялось 22 публичных его заседания, на которых заслушано 30 научных докладов, о чем подробно указано далее.

Советом детально проработаны вопросы об организации и плане всех экспедиционных обследований, приведенных Музеем за два летних сезона — 24 и 25 годов и затем заслушаны отчеты об этих работах. Разработаны по докладам особых комиссий вопросы о юбилейных днях — (Академии Наук, декабристов). Проработаны и внесены в Губмузей вопросы по охране ряда памятников старины и искусства, как например. Кузнецкая крепость, домик Достоевского, домик Федора Кузьмича, картины художника Вучичевича в Щегловске, создание кабинета Потанина в Университете, охрана бывшего Нарымского и Мариинского Музеев, а также охрана многих отдельных предметов старины и искусства. Занимается Совет и рассмотрением производственных планов и смет Музея. Организует весной 1925 г. три художественных выставки, составивших славную страницу в художественной жизни Музея. Советом изыскиваются меры по созданию новых отделов Музея — общественно-экономического и естественно-исторического, из которых последний получает богатые материалы учебно-показательной мастерской, бывшей сначала при Томской Губернской Земской Управе, а затем в Томском Совнархозе.

Озабочен Совет и созданием специального денежного фонда для пополнения Музея и издания его трудов; с этой целью Советом устраиваются лекции, концерты и выставки.

Наконец необходимо отметить большую общественно-организационную работу Совета, выразившуюся в создании целого ряда различных комиссий с привлечением в них местных обществ, научных организаций, в проведении ряда общественно-научных празднований и т. п. и особенно в создании научных обществ и общественных организаций при Музее, а именно:

17 февраля 1925 года состоялось заседание Совета Музея по учреждению „Общества Изучения Томского Края при Томском Краевом Музее“ в составе учредителей: Шатилова М. Б., Б. П. Юхневича, Вве-

денского Н. Н., Бакай Н. Н., Парамонова П. А., Мологилова Н. И., Хозина М. А., Мако-Тюменцевой Е. Г., Игнатовской Н. Г., Слободского М. А., Троицкого Г. Я., Болдырева В. О., Иванова А. К., Полежаевой Е. Н., Серебренникова И. Д. и Неведрова Г. А. Принятый учредителями Устав Общества был утвержден Губ. Отд. ГИК'а 2 апреля 1925 г. когда и начало существовать Общество.

В целях обеспечения возможной общественной поддержки по проведению различных мероприятий Музея, по оказанию ему различного рода содействия в его работах и между прочим по изысканию специальных средств при Музее создается на основании особого положения „Комитет Содействия Томскому Краевому Музею“. Президиум Комитета: Председатель И. П. Путренко, члены: И. П. Нарбут, Г. Я. Троицкий, И. Д. Серебренников и М. В. Бородкина.

В целях оформления фактически сложившегося за последние два года объединения почти всех местных художников в работах художественного Отдела Музея, а также для дальнейшего закрепления и углубления в процессе работ этого объединения Советом Музея устраивается 23 декабря 1925 года учредительное заседание по организации „Общества по изучению художественного творчества при Томском Краевом Музее“, при чем в состав Общества вошли не только художники, но и некоторые местные музыкальные работники.

Избрано Правление Общества в составе: Председатель профессор Е. И. Помазанский, зам. предс. худ. Н. Ф. Смолин, секретарь худ. Н. Костенко и члены: проф. Н. А. Александров, худ. И. Я. Назаров, худож. В. М. Мизеров и представитель Совета Музея М. Б. Шатилов.

Таким образом, при Музее в настоящее время работает три общественных организации, члены которых практически в своей деятельности являются ближайшими, непосредственными музейными работниками. В таком окружении местными научными, общественными и художественными силами Музей несомненно пойдет твердыми, уверенными шагами по созданию и укреплению своего положения, как научного, художественного и культурного учреждения местного края.

Из отдельных лиц помимо постоянных, официальных работников Музея, необходимо на ряду со многими другими особо отметить работы некоторых ближайших музейных работников-любителей, как например: сотрудник Музея И. М. Мягков, будучи членом Совета Музея, все это время помимо отмеченных здесь особо работ ведет работу по определению классификации материалов по отделу востока и археологии

Б. П. Юхневич участвовал в работах по организации общественно-экономического отдела Музея, являясь в то же время все эти годы членом Совета. Н. Н. Бакай, являясь постоянным членом Совета, неоднократно вел научную консультацию по историческим вопросам. М. А. Слободский—член Совета принимает живейшее участие в проработке тех или иных научных вопросов. Н. М. Шилиев провел большую кропотливую работу по нумизматике (классификация и описание); продолжает эту работу И. Д. Серебренников. Сотрудница-практикантка Н. П. Безходарнова провела подробное описание материалов по отделу археологии—(1297 предметов). Работает целый ряд добровольных сотрудников и по естественно-историческому отделу, среди которых заслуживает особого внимания работы Н. П. Павлова по геологии, преп. унив. М. И. Хлебниковой, Л. П. Сергиевской, преп. Л. В. Чашихиной и некоторых других.

Работы по Музею и его отделам в данное время распределяются следующим образом: Зав. Музеем и его культ.-историческим отделом

М. Б. Шатилов (с 1 сентября 1922 года); зав. общ.-экономич. отделом П. Т. Дронов (с 15 июня 1926 года); зав. естественно-историч. отделом И. Г. Лаврентьев (с 10 ноября 1924 г.).

По отделам Музея за все это время, кроме отмеченных в своем месте особо работ, помимо постоянной систематической работы по определению, описанию, инвентаризации, размещению, классификации и музейному хранению экспонатов и их изучению ведется непрерывно различными доступными Музею средствами его пополнение, которое в общем вкратце можно выразить в следующем: в августе месяце 1922 года, когда была проведена первая инвентаризация Музея, числилось всего по культ.-историч. отд. 1200 предметов с зарисовками старого Томска и книгами.

В настоящее время по тому же отделу с под'отделами: археологии, этнографии, востока, старина Томского Края и художественный числится: 6323 предмета.

Особо стоит библиотека и историческое книгохранилище, которые с 300 №№, бывших в отмеченное время возрасли до 6398, при чем имеется карточный алфавитный каталог.

Среди поступлений этого времени необходимо наиболее крупные отметить особо: поступления по археологии—результат раскопок И. М. Мякова, материалы по этнографии остяко-самоедов и тунгусов Нарымского края (сборы М. Б. Шатилова), сборы З. С. Гайсина по этнографии шорцев, ценная якутская коллекция и сборы М. В. Бородинкой по русской этнографии, пополнение коллекций русских церковных древностей, создание коллекции старинного оружия, кольчуги, по старому Томску собрание планов, чертежей и описаний, коллекция материалов декабриста Батенькова, гравюра Томска половины 18 в., сада Горохова, виды Томска 70 г.г.; по художественному отделу: собрание картин М. М. Полякова Базановой, Капустинной, Смолина, Гуркина, Солодовникова, Мако А. Э., Шульпинова, Кристинова и др.

По старой живописи получены образцы голландской школы, итальянские рисунки, русской и западной церковной живописи, старинная копия испанского художника XVII в. Мурильо (большое полотно) и др. Скульптура—работы Просвиркиной, Мезингер, О. Поповой.

В библиотеке получено не мало чрезвычайно ценных в историческом и библиографическом отношении книг.

За отмеченное время созданы отделы: общ.-экономич. 724 экз. и естественно-исторический 5429 экз., а также поступило 8660 предметов сырого необработанного материала, а всего по Музею было поступлений 12.476 предметов, 6398 книг и необработанного сырого материала (по естественному отделу) 8660.

Таким образом Музей из зачаточного своего состояния превращается в достаточно солидное по количеству материалов учреждение.

VI. Научно-исследовательская деятельность Музея.

Обращаясь к научно-исследовательской работе Музея в порядке экспедиционного обследования должно сказать, что, несмотря на самые скудные средства, Музею удастся за два летних сезона при поддержке тех или иных учреждений организовать несколько небольших экспедиционных обследований.

Летом 1924 года сотрудниками Музея свершены следующие научные поездки:

1) И. М. Мягковым были продолжены, начатые им в 1922 г., археологические раскопки неолитической стоянки близ с. Иштана и дер. Козюлиной Томского уезда при устье р. Томи. Произведены раскопки двух курганов и исследована стоянка, при чем собрано 153 предмета—каменные наконечники стрел, топоры, напярсла, керамика и т. д. и остатки двух трупосожжений.

О работах представлен доклад.

2) Сотрудником Музея Г. С. Гайсиным произведены этнографические исследования и сборы для Музея среди шорцев по р. Кондоме и Мрас-су в южной окраине Кузнецкого уезда. Помимо сообщения по этнографии шорцев на заседании Музея, поездка эта дала значительную коллекцию материалов по этнографии шорцев—собрано всего 36 предметов домашнего обихода, промысла и культа.

3) Шатиловым М. Б. совершена поездка в Принарымский район по Оби и озеру Иссан-по для обследования остяко-самоедов и тунгусов. Собраны материалы по этнографии остяко-самоедов и тунгусов всего в количестве 118 предметов, характеризующих быт, промыслы и верования. (Подробно см. статью „Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района“ М. Б. Шатилова.

Летом 1925 года при поддержке Сибнаробраза и Томского Биржевого Комитета продолжены археологические раскопки И. М. Мягкова близ Иштана и дер. Козюлиной на устье р. Томи.

В то же время сотрудник Музея М. В. Бородкина получает поездку в дер. Иткара по р. Томи Томского уезда для этнографического и экономического обследования. М. В. Бородкиной собран материал по всему годовичному кругообороту хозяйственной жизни дер. Иткары, дан этнографический обзор, собраны материалы по фольклору и привезены экспонаты—образцы крестьянского тканья и орудия ткачества 64 предмета, а также лекарственные травы. О работах представлен доклад (смотри статью М. В. Бородкиной: „Хоз.-этногр. очерки дер. Иткара, Томск. края“).

Летом 1926 г. была организована Музеем и Обществом Изучения Томского Края на средства Комитета Севера, Ваховская экспедиция. По первоначальному плану экспедиция должна была провести обследование системы реки Ваха (правый приток Оби—Сургутский край) в трех направлениях: географическом, экономическом и этнографическом, в соответствии с чем и намечалось три самостоятельных партии. Полностью однако-же осуществить проект за сокращением сметы не удалось и была снаряжена одна партия для экономического обследования, на ряду с которым все же было решено вести и этнографические работы. Партия работала в составе трех человек: нач. экспедиции Шатилова М. Б. (этнограф.), статистика Попова М. И. и переводчика—васьюганского остяка-студента Ленинградского рабфака Иглыкова А. И.

Экспедиция поднялась вверх по Ваху до его правого притока р. Корельки-еган на расстоянии 750 верст от устья Ваха; выше этого пункта имеется по Ваху всего одна юрта в 6 днях пути.

Экспедицией проведены следующие работы: по стат. экономич. обследованию проведено сплошное подворное обследование всех хозяйств, оказавшихся на ее пути к моменту путешествия, (обследовано 108 хозяйств), затем проведено поселковое обследование всех населенных пунктов по Ваху (32) и несколько по его притокам (8) всего 40 и наконец проведены порайонные обследования промыслов: пушного, оленьего, рыболовного и орешного.

По этнографии довольно полно, обследована материальная, социальная и духовная культура местных остяков, а именно: жилище, домашняя утварь, одежда, пища, образ жизни, промыслы (бытовая сторона и техника), средства передвижения,—оленоводство, народное здравие и медицина, родовые отношения, брак, семья, административное устройство, обычное право и родовой суд, общее мирозерцание, верование, а также собраны материалы по фольклору. На ряду с этим велись фотографические снимки различных сторон жизни остяков; имеется 74 снимка, являющиеся непререкаемым документальным материалом, дополняющим этнографические работы. И наконец, экспедицией вывезены для Краевого Музея 112 экспонатов—предметов быта, промыслов и культа остяков.

Наконец необходимо отметить тесную связь с Музеем этнографических обследований, произведенных двумя врачами-членами экспедиций Красного Креста—врачем А. Н. Аравийским среди шорцев Кузнецкого края в верховьях реки Мрас-су и врачом Моисеевым в Нарымском крае по р. Оби, Васьюгану, Чижалке. Об этих работах точно также были представлены и зачитаны доклады на заседаниях Общества Изучения Томского Края—доклад А. В. Аравийского „Шория и шорцы“ и доклад Моисеева „Быт, нравы и врачебно-санитарное состояние Нарымского края“.

Помимо проведения отмеченных экспедиционных обследований научная работа Музея за последние два года—1924—25 г. г. выражалась, как и прежде, в устройстве публичных заседаний Музея с заслушанием научных докладов, а культурно-просветительная его деятельность выразилась в устройстве публичных лекций, проведении экскурсий по Музею.

За четыре года Музей был открыт для обозрений в течении 34 месяцев, за которые через Музей прошло 343 экскурсии учащихся, красноармейцев и профсоюзов в количестве 17.421 человека и отдельных посетителей за то же время прошло 18.846 человек, а всего 36.267 человек.

Осенью 24 года была устроена выставка археологических материалов, полученных в результате раскопок И. М. Мягкова близ Иштана за истекшее лето—выставка сопровождалась пространными беседами—лекциями.

За отмеченное время состоялись следующие доклады: З. С. Гайсина „Очерки жизни шорцев Кузнецкого края“—доклад демонстрировался привезенными с мест экспонатами, а также сопровождался иллюстрациями по фольклору шорцев поэта-шорца Ап. Тодышева—студента рабфака.

Два доклада И. М. Мягкова: а) „Искусство сойотов и его место в истории искусства“—доклад был основан на исследовании экспонатов Музея—резьба сойотов по камню; б) „Из истории Томска—легенды об Ушае и Томе“. Доклад А. П. Полонского: „Физико географический очерк Барабинской степи“, (оживление мертвой природы—мелиорация).

Сообщение М. Б. Шатилова: „Историко-этнографический очерк Барабинских татар“.

Доклады Н. Н. Белослюдова: а) „Киргизские писатели и поэты“; б) „Киргизский орнамент“—оба доклада были богато иллюстрированы.

М. Б. Шатилова „Предварительный отчет о поездке в Нарымский край“.

Доклад И. М. Мягкова „Об археологических раскопках близ с. Иштана летом 1924 года.

Доклад Шатилова М. Б. „Московская Русь и сибирские туземцы“ и сообщение „Об организации уголка Томских татар при Музее“.

По художественному отделу Музея устраивались доклады—худож. Н. Г. Игнатовской „История Французской живописи“.

Художника М. М. Полякова „Новейшие течения в живописи по личным впечатлениям в Москве“.

Весной 25 г. устраиваются лекции: 1) художника В. М. Мизерова:— „Новейшие течения в живописи“, И. М. Мягкова—„Пути исследования памятников искусства и старины“.

Н. Н. Бакай „Изучение края по письменным памятникам“ и Шатилова М. Б. „Задачи и отрасли краеведения“.

Помимо этого Музей принимает живейшее участие чрез своего представителя Б. П. Юхневича в работах летних губ. курсов по переподготовке работников просвещения, где проведен также ряд лекций.

За зимний сезон 25/26 академич. года устраиваются следующие доклады: И. М. Мягкова: „Археологические раскопки близ Иштана летом 1925 г.“. Доклад Бородкиной М. В.: „Из русского фольклора Нарымского Края“.

В сентябре месяце (8-го) было устроено, посвященное юбилею Академии Наук, торжественное заседание Музея и Общества изучения Томского Края, на котором были прочтены доклады: 1) Н. Н. Бакай: „Первые академики, как историки Сибири“, 2) Профессора И. А. Соколова: „Ломоносов, как ученый“ и 3) М. А. Слободского: „Двухсотлетний юбилей Академии Наук“. От имени заседания послана приветственная телеграмма Академии Наук.

Заседание сопровождалось выставкой ценнейших изданий Академии Наук—до 150 книг, имеющихся в историческом книгохранилище Музея. Выставка вызвала большой интерес посетителей и любовное отношение к старой редкой книге.

В период организации при Музее общества по изучению художественного творчества устраивается заседание Музея с докладом профессора Н. А. Александрова: „Русская народная песня“.

Весной 1926 года происходят заседания, на которых прочтены доклады: Бородкиной М. В. „Хозяйственно-этнографический очерк дер. Иткара Томского края“ (обследование 1925 г.). И. Д. Серебряникова; „Из прошлого Томска—знаменитый сад Горохова“. М. А. Слободского: „Песни с. Коларова Томского края“. П. Т. Приходько: „К вопросу о приемах народной медицины в деревнях Томского края. М. Б. Шатилова“: Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района“ (обследование 1924 г.).

Заседание посвященное 50-ти летней годовщине со дня смерти сибиряка историка А. П. Шапова. 1) Доклады Н. Н. Бакай: „А. П. Шапов в его исторических работах“ и 2) В. Н. Наумовой-Широких: „Шапов, как этнограф“.

Совершенно особо стоит столетний юбилей декабристов в Томске. Учитывая чрезвычайный исторический интерес и общественное значение юбилея декабристов вообще и местный краевой интерес его для Томска и Музея в частности по связи Томска с бывшим здесь в ссылке с 1846-56 г.г. декабристом Г. С. Батеньковым, Совет Музея еще в мае месяце 1925 г. (протокол Совета Музея № 2, 12 мая) постановил соз-

дать специальную комиссию из представителей ряда общественных и научных учреждений для разработки плана ознаменования Музея в Томске.

Комиссией был намечен следующий план ознаменования юбилея:

- 1) устроить 27/14 декабря торжественное заседание заинтересованных в этом научных и общественных учреждений;
- 2) устроить выставку материалов, связанных с именем Г. С. Батенькова и материалов вообще по истории движения декабристов;
- 3) издать сборник, посвященный главным образом Батенькову;
- 4) возбудить вопрос в Губисполкоме:
 - а) об охране, поддержании и реставрации строений, произведенных Батеньковым на хуторе Степановка (близ Томска).
 - б) о наименовании хутора „Степановка“ хутором „Батеньковка“.
 - в) об устройстве на углу Благовещенского и Протопоповского переулков в Томске (теперь пустырь), где жил Батеньков, сквера его имени,
 - г) о наименовании Благовещенского переулка—улицей Батенькова.

Этот план с некоторыми видоизменениями удалось провести в исполнение. Означенное здесь ходатайство в Губисполкоме полностью признано подлежащим проведению в жизнь. Таким образом ряд исторических строений и местностей в Томске, связанных с именем Г. С. Батенькова, будут увековечены. Сборник выпустить не удалось, но часть работ, предполагавшихся для сборника, печатаются в трудах Музея.—Статья Н. Н. Бакай.

Выставка входила как часть в общую выставку в Университетской Библиотеке революционного движения в России в связи с 20-летним юбилеем революции 1905 г. и наконец состоялось 14/27 декабря торжественное заседание, посвященное памяти декабристов в актовом зале Университета (заседание секции научных работников, Совета Краевого Музея и Общества Изучения Томского Края) по следующей программе: 1) Вступительное слово проф. В. И. Шумилова. 2) доклад Н. Н. Бакай: „Декабрист Батеньков и Сибирь“, 3) сообщение М. Б. Шатилова: „Работа юбилейной комиссии при Краевом Музее“ и 4) доклад В. Н. Наумовой-Широких: „Просветительная деятельность декабристов“.

Отзывается Музей также и на другие юбилеи путем или непосредственного участия в юбилейных торжествах поднесением адреса или телеграфным приветствием, а именно: двухсотлетний юбилей Академии Наук, двадцатипятилетний юбилей Томского Технологического Института, юбилей известного культурного деятеля П. И. Макушина, юбилей проф. В. В. Сапожникова, 30-летний юбилей Читинского Музея и 80-летие его основателя А. К. Кузнецова, 25-летний юбилей Председателя Красноярского О. Г. О. А. Я. Тугаринова и наконец 25-летний юбилей музыкальной деятельности в Томске свободной художницы Ф. Н. Тютрюмовой. Таким образом Музей в той или иной мере отзывается на крупные моменты культурной жизни.

VII. Художественно-просветительная деятельность Музея.

Не замирает за это время точно также и деятельность Музея по художественному воспитанию широких масс и по объединению активных работников в этой области—художников.

Весной 1925 года устраивается Музеем три художественных выставки. Во первых была устроена в апреле месяце большая весенняя

выставка, на которой было представлено более 300 №№ живописи: графики и скульптуры. В выставке принимали участие художники. Н. Ф. Смолин, В. И. Мизеров, Н. М. Корин, В. О. Солодовников, Е. Г. Мако-Тюменцева, Н. Г. Игнатовская, А. Назаров, И. И. Тютиков, И. Н. Введенский скульптор Гамулин, Соловких и др.

Выставка прошла с необычайным успехом. Объявленная на две недели, она была продлена на неделю и посещалась с неослабевающим интересом—выставку всего посетило 4860 человек—посещаемость для Томска небывалая.

Помимо большой культ.-просветительной работы, проведенной организаторами выставки путем объяснений при обозрении ее экскурсиями выставка сопровождалась циклом лекций по истории искусства, а именно: худ. Н. Ф. Смолина: „Русская живопись до передвижников“, худож. В. М. Мизерова: „Русская живопись в конце 19 и в начале 20 века“, худ. Н. Г. Игнатовской: „Русская скульптура“ и инженера К. Н. Карташова: „Новейшая архитектура“. Выставка закончилась публичной дискуссией по вопросам художественного творчества вообще и о творчестве художников-участников выставки в частности.

„Выставка ковровых изделий Азии и предметов искусства Китая и Японии“. Проведение этой выставки, устроенной по инициативе сотрудника Музея И. М. Мягкова, требовала необычайного напряжения сил и участия большой инициативной группы лиц, сочувствующих этой идее.

В устройстве выставки приняли участие: Е. Ф. Усова, В. Н. Конохова, Н. П. Безходарнова, гр. гр. Памазанский, Козьмин, Тазитдинов, Измайлов, Фахрутдинов, В. Д. Кузнецов и др.

Необычайный характер и задания выставки привлекли внимание значительной части Томского общества, а также представителей томских мусульман,—выставку посетило 1860 человек. За время выставки был сделан доклад И. М. Мягкова „Ковровые изделия Азии“. Сбор с выставки поступил в фонд Музея на пополнение его художественного отдела; из этих средств в последующем приобретено три этюда покойного художника М. М. Полякова. Ввиду особого интереса выставки мы позволим себе привести в выдержках отзыв о выставке газеты „Красное Знамя“ (24 мая 25 г. № 116): „выставка занимает пять больших комнат. На выставке собраны десятки прекрасных восточных ковров. Величина ковров колеблется от очень больших, 15-ти пудовых, до маленьких намазлыков (молитвенных ковриков). Все собранные ковры приготовлены ручным способом, а не машинным и крашены растительными красками. Нельзя не отметить некоторые из них. В первой комнате выделяются небольшие чапраки племени салоров, давшие основу всему ковровому производству. В этой же комнате висит прекрасный, афганский ковер темного тона, текинский ковер со звериным орнаментом (очень интересный), редкий намазлык и другие. Во второй комнате на щитах висят два ковра совершенно из ряда выходящие: один старый мервский с серебристым отливом и другой чудного рубинового цвета. В этой же комнате висят два больших кизылякских ковра кирпично-красного цвета, и несколько текинских, с характерными рисунками. Здесь же находятся две старинные китайские фарфоровые вазы 1468 г. (в Европе же фарфор был найден в 18 в.) и большие японские 17 в. знаменитого мастера Фукагава. В третьей комнате висит огромный персидский старинный ковер. Маленькие же персидские коврики и палас (ковер без ворса) племени ному-дов заставляют долго любоваться. В четвертой комнате выделяются

большой синий ковер со старинным гранатовым узором, из Фергана, и из хотанских—ковер с красными и желтыми пятнами. В этой же комнате стоит первоклассная китайская скульптура из дерева 13 века. В пятой комнате собраны предметы по искусству Японии и Китая. Здесь имеется старый китайский фарфор начиная с 15 века, японской фабрики Сацума с чудными миниатюрами, бронзовая скульптура 8 и 12 в.в. Ковровые изделия все были получены от участников выставки, фарфор же, бронза, отмеченные в заметке, собственность Музея по его отделу Востока.

Окрыленный успехом этих двух выставок, Краевой Музей решил расширить сферу своего художественного влияния за пределы Томска.

Художественная выставка почти в том же составе, дополненная наиболее ценными художественными работами, имеющимися в Музее работами художника М. М. Полякова, была устроена в г. Новосибирске по предварительному согласованию этого начинания с местными общественными деятелями. В Новосибирске эта выставка прошла с большим моральным успехом, была встречена чрезвычайно сочувственно и поддержана местной газетой „Советская Сибирь“,—культуротделом ГСПС и отдельными общественными работниками, как например: тов. Вегман, Гайсиным и др. Несмотря однакоже на это, посещаемость выставки оказалась далеко ниже посещаемости ее в Томске, хотя выставка и была усилена экспонатами Музея—выставку посетило всего 1600 человек. Посещаемость выставки в Томске 4860 чел. и в Новосибирске 1600 чел.; эта разница, по нашему мнению говорит, что Новосибирцы в массе менее культурны, менее художественно развиты, чем томичи и это понятно—у Томска есть культурное прошлое, Новосибирск только начинает культурную жизнь!

Эти художественные выставки в жизни Музея были по счету седьмая, восьмая и девятая, не считая выставок студийных, устраиваемых в 1920—21 г.г. и сепаратных выставок некоторых художников, как например выставка художника Н. Ф. Смолина и старейшего Томского художника, ныне покойного, А. Э. Мако зимой 1924 года. Такое обилие выставок, а художник Тихомиров А. Н. насчитывает таких выставок за это время в Томске 14 (см. журнал „Северная Азия“ 5-6 книга „Искусство в Сибири“ А. Н. Тихомирова) говорит наряду с другим за то, что Томск, несмотря на самые неблагоприятные объективные для него условия за последние годы, все же является центром художественной жизни по меньшей мере для значительной части Сибири или, как признал его А. В. Луначарский, два года тому назад, „культурным центром Северной Азии“.

Заканчивая этим исторический очерк Музея, позволим себе вкратце сделать обозрение отделов и материалов, которыми он располагает.

VIII. Естественно-историческое и общественно-экономическое отделения Музея.

Музей в настоящее время имеет три основных отделения: 1) естественно-историческое, 2) общественно-экономическое и 3) культурно-историческое, которые в свою очередь разделяются на следующие отделы: 1) естественно-историческое—отделы: а) ботанический, б) зоологический, в) геологический; 2) общественно-экономическое, 3) культурно-историческое—отделы: а) археологии, б) истории, в) этнографии, г) старина Томского края, д) народы Востока, е) художественный.

Кроме того, в музее имеется библиотека и историческое книгохранилище.

Естественно-исторический отдел Музея существует с 1924 года. Осенью этого года по постановлению Губисполкома были переданы в Музей материалы бывшей мастерской учебных пособий, которые и легли в основу отдела.

В марте 1925 года отдел был открыт для обозрений в составе п/о ботаники, зоологии, энтомологии, минералогии, геологии и палеонтологии. Всего отдел включает 5429 предметов и необработанного материала 8660 экземпляров. В виду обширности этого отдела и необходимости дать более полное его описание, обзор отдела будет помещен во II выпуске „Трудов Музея“.

Переходим к „обзору“ общественно-экономического отделения Музея.

Находясь пока еще в начальном периоде собирания материала, отдел, естественно, далек от полного отображения общественно-экономической жизни Томского края.

Не желая создавать параллелизма в работах Западно-Сибирского Общества Сельского Хозяйства, которое имеет намерение организовать сельско-хозяйственный Музей, Общ.-Эконом. Отдел первоочередной своей задачей ставит отображение фабрично-заводской и кустарной промышленности Томского края.

Все-же, несмотря на свою молодость по сравнению с другими отделами Музея, он имеет некоторые достижения, в нем представлен целый ряд производств.

Так, кожевенное производство представлено солидной коллекцией из 87 экспонатов с 1-й сибирской механической фабрики обуви и заводов № 1 и № 2 в Томске. Экспонаты дают полное представление о процессе производства обуви. Коллекция дополнена атласом чертежей и рисунков.

Спичечное производство охарактеризовано экспонатами спичечной фабрики „Сибирь“ (находящейся в 7 верстах от г. Томска) в количестве 16 предметов. К сожалению, эта коллекция далеко неполная, а именно она могла бы представлять большой интерес.

Кирпичное производство подобрано образцами кирпичей, углов, изразцов, труб для печей из обыкновенной и огнеупорной глины—работа кирпично-гончарного завода № 1 в Томске. Количество экспонатов 25.

Пимокатное производство включает изделия пимокатного цеха Тахтамышевского завода (8 в. от Томска) в количестве 10 предметов.

Стеклоделательное производство характеризуется довольно полно экспонатами со стеклоделательных заводов „Красная Звезда“ и „Красное Утро“, коллекция отображает весь процесс производства стекла, начиная с исходного материала—основных элементов состава стекла и кончая образцами стеклянных изделий, в количестве 42 экспонатов.

Производство цемента, вырабатываемого на Яшкинском цементном заводе (ст. Яшкино, около 100 вер. от Томска), представлено 17 экспонатами.

Производство льняного масла и олифы характеризуется коллекцией из 8 экспонатов с Сибирского маслодельного завода № 1 (в Томске).

Пивоваренное производство представлено коллекцией ячменя из 6 предметов в разных стадиях его обработки, употребляемого при пивоварении; с пивоваренного завода № 1 (бывш. Крюгера в г. Томске).

Конфектное производство охарактеризовано исходным материалом в количестве 48 экспонатов с фабрики „Профинтерн“ в Томске. (Эссенции, масла, краски, сушеные фрукты и проч.).

Кустарная промышленность представлена работами двух мастерских:

1) деревообделочной „Краснодеревец“ (с. Петропавловское, Томского уезда), 10 экспонатов изящные изделия (рамки, панно и проч.);

2) Боготольской гончарной мастерской—обширная коллекция изделий из глины: посуда—чайная и столовая, кувшины, вазы и проч.: облитая, цветная с украшением и орнаментом. В количестве 45 экспонатов.

Полезные ископаемые края представлены образцами:

1) золотосодержащих руд с Центрального Мариинского рудника (Мариинский уезд, Томской губернии). Преимущественно с Чирковской, Благовещенской и Покровской шахт в количестве 7 экспонатов. (Коллекция описана горным инженером Л. Плотниковым—его дар Музею);

2) образцами каменного угля с Кузнецкого каменноугольного бассейна—10 экспонатов;

3) образцы глины огнеупорной 3 экспоната (с. Спасское и дер. Лучанова, Томского уезда).

Отдел карт, планов, диаграмм содержит 213 экспонатов; большинство карт относится к территории Западной Сибири.

Диаграммы относятся к 1920—23 г., имеют таким образом уже историческое значение. Диаграммы характеризуют деятельность различных томских предприятий и учреждений, как, например: Губсоюз, ЕПО, Земотдел, Губздрав, ГФО, Губкомхоз.

Всего в отделе числится предметов 724 за 302 номерами.

Как видно из этого краткого обзора, мы имеем по отделу материалы, характеризующие всего лишь десять отраслей промышленности Томского края и то почти исключительно промышленность Томска. Почти совершенно не представлена чрезвычайно интересная и имеющая большой удельный вес в условиях нашего момента промышленность кустарная, которая интересна, как со стороны хозяйственной, так и бытовой, налагая иногда совершенно особый отпечаток на весь уклад жизни населения.

Придавая очень важное значение в общей конструкции Музея его общественно-экономическому отделу, где должно быть представлено все народное хозяйство Томского края, его отрасли, формы, виды, тип, продукция и, наконец, намечены возможные перспективы, музейные работники и Совет Музея еще в 1924 году начали работу по созданию этого отдела и казалось, что именно в этом отношении работа Музея, как наиболее созвучная текущему моменту, пойдет совершенно безболезненно и самым ускоренным темпом при живейшем содействии всех госхозяйственных учреждений. Так думали инициаторы этого начинания, действительность же показала совершенно обратное. Именно здесь, на этом пути, где не было никаких сомнений в необходимости, своевременности проведения определенной работы, Музей встретился с чрезвычайными затруднениями, полным непониманием или нежеланием понять со стороны представителей хозяйственных учреждений смысла работы Музея, его значение для изучения народного хозяйства и популяризации последнего. Музей встречался здесь иногда с поразительной косностью мысли хозяйствующих работников, их мелко-торгашеским подходом к большому научно-общественному начинанию.

IX. Культурно-историческое отделение Музея.

Наконец приступаем к обозрению культурно-исторического отделения Музея.—Здесь прежде всего в порядке последовательности необходимо отметить отдел археологии. Отдел представлен некоторыми экземплярами палеолетической фауны, коллекциями неолетической стоянки близ с. Иштана и дер. Козюлиной у устья р. Томи, предметами обихода бронзовой культуры и наконец небольшими коллекциями „Томского могильника“, „Басандайки“ и др. Среди отдельных экземпляров палеолетической фауны можно отметить отдельные части костяка мамонта, найденного при земляных работах на станции Юрга Томской ж. д.—всего имеется 12 отдельных частей костяка с двумя хорошо сохранившимися, хотя и не полными бивнями. К сожалению в архивных материалах Музея не сохранилось никаких указаний о залегании этого мамонта, ни о сопутствующих ему каких либо моментах, так что материалы эти имеют лишь показательный характер. Подобную же ценность представляют и остатки мамонта, найденные летом 1923 года в берегу р. Томи близ дер. Белобородовой в 8-ми верстах от Томска, при чем в остатках этого костяка имеется слабо сохранившийся, но полностью представленный бивень. Костяк залегал не в первичном соответствующем геологическом наслоении, а в наносном слое гальки и песков берега р. Томи. Имеются в отдельных частях и некоторые другие представители палеолетической фауны, как например первобытный бык (лобная часть с рогами) пещерный медведь (череп) и некоторые другие.

Наиболее богато представлен отдел предметами неолитической стоянки близ Иштана и Козюлиной при устье р. Томи. Материалы получены в результате раскопок И. М. Мягкова за три летние его поездки. Коллекции эти главным образом представлены керамикой различного археологического возраста, имеется керамика и безусловно неолитическая. Помимо керамики мы имеем в этих материалах различной формы оббитые каменные топоры, скребки, напярсла, каменные и костяные наконечники стрел, стеклянные бусы, остатки погребений и т. д. Всего материалов полученных в результате раскопок И. М. Мягкова вместе с небольшими раскопками Томского могильника имеется более 800 экземпляров. Из материалов В. Ф. Смолина имеются отдельные предметы (главным образом керамика) из окрестностей села Воронова на Оби, а также материалы по Томскому Могильнику 1920 года в количестве более 100 предметов—керамика, медная пряжка, фрагмент бронзового меча, и т. д.; Имеются по Томскому могильнику также материалы и железного века—узкий железный меч, стрелы трехперые, обрывки уздечки.

Необходимо отметить раскопки Басандайских курганов за 1916—1917 г.г., произведенные Лейбовичем, всего около 200 предметов,—керамика, кремневые наконечники стрел, осколки кремня и каменные оббитые различной формы орудия—нож, топор, грузило, а также материалы Шнейдера на Базайской стоянке близ Красноярска. Заслуживает особого внимания коллекция обской бронзовой культуры, полученная худ. Л. П. Проскуряковой в селении Подгорном на реке Чае, Нарымского Края—случайные находки крестьян при распашке полей—здесь мы имеем бронзовые трехперые наконечники стрел различной формы, литые бронзовые украшения в виде летящей птицы, различных животных, рыбы, а также ажурные работы—всего 54 предмета.

Из отдельных предметов заслуживает большого внимания бронзовая ваза, найденная случайно при распашке целины в с. Митрофановском по р. Чулыму и наконец бронзовые кельты, две бронзовые вазы—минусинской культуры, круглое бронзовое китайское зеркало и другие.

Всего по отделу археологии числится 1297 предметов.

Здесь же можно отметить нумизматику, иконографию и русские древности.

По нумизматике имеется всего 2550 монет, из которых главная масса—русские медные монеты, 187 монет серебряных русских и иностранных, 4 монеты золотых XVIII в. и наконец монеты из различного сплава иностранные. Среди серебра имеется довольно порядочно старинных западно-европейских монет, встречаются персидские, арабские, китайские и японские... и наконец особенно ценные экземпляры—это древне-римские и византийские. Русские церковные древности и иконография представлены древними медными складнями, крестами, деревянными рельефными изображениями и образами старой церковной живописи, среди которой есть работы XVI века строго определенного письма—всего по церковным древностям числится 118 предметов.

По отделу русские древности (48 предметов) можно отметить две кольчатые кольчуги, старинный портрет Ермака, коллекция кремневого оружия.

Отдел этнографии содержит материалы, характеризующие ряд отдельных народностей, живущих как в Томском крае, так и за его пределами; здесь мы имеем русскую деревню Томского края, нарымских остяко-самоедов, сургутских остяков, нарымских и енисейских тунгусов, енисейских остяков, киргиз, якутов, урянхайцев—сойот, хакасов и некоторых других, представленных отдельными предметами.

Отдел этнографии в культурно—историческом отделении Музея самый позднейший по своему происхождению, почему коллекции по некоторым народностям лишь в зачаточном состоянии.

Русская этнография представлена интересными зарисовками крестьянской архитектуры Томского края и сборами М. В. Бородинной летом 1925 года в дер. Иткара, в результате чего имеется значительный набор образцов крестьянского тканья— всего 54 вида, некоторые тканые изделия, а также орудия обработки льна, прялки и наконец лекарственные травы. Этим и еще некоторыми предметами исчерпываются зачатки русской этнографии в Музее.

Нарымские остяко-самоеды представлены сборами М. Б. Шатилова летом 1924 года, в Принарымском районе—всего имеется 118 предметов за 85 №№. Здесь мы имеем предметы домашнего обихода, культа, средств передвижения и главным образом орудия промысла—различного рода ловушки на зверя, птицу, а такжестораживающиеся луки (на медведя, лося) с большим набором различной системы стрел, употребляющихся в настоящее время. Среди предметов домашнего обихода можно отметить берестяные изделия с различным по технике и рисункам орнаментом, а также костяное долото, бывшее в употреблении до последнего времени. Из предметов культа—(приклады—„кого-кох“) заслуживает внимания икона, череп медведя и общий приклад к ним из юрт Пыжных-Заречных. Эта коллекция относится к переходному моменту в жизни остяков от шаманизма к христианству; здесь на лицо остатки культа медведя, так распространенного вообще у северных народов. Полуобгоревшая икона и череп медведя взяты на полочке вместе в старинном лабазе (амбаре) и при них был

общий приклад—изделия из олова, меди, обожженный котел, металлическая тарелка и истлевшие куски материи и шкурки белки...

Сургутские остяки с р. Югана представлены сборами И. М. Мягкова летом 1922 года—всего 35 предметов, за 24 №№. Здесь представляет интерес орнамент по бересту и особенно коллекция бисерного шитья различных отдельных принадлежностей костюма остяков, а также музыкальные инструменты домбра и скрипка.

Тунгусы нарымские и енисейские представлены случайными поступлениями и сборами М. Б. Шатилова 1924 г. близ озера Иссан-по Нарымского края. Здесь наряду с отдельными принадлежностями тунгусских костюмов, коллекцией бисерного шитья, нескольких верхних костюмов „парки“ и орудий промысла должно отметить богатый праздничный костюм „парку“—(по тунгусски „шопдатч“) из прекрасной темно-малиновой замши, шитой очень богато бисером, полученный в Нарыме с реки Кеть, и наконец деревянный колчан для стрел с острова Диксон—всего 23 предмета за 19 номерами.

Туземцы южной окраины Кузнецкого края „шорцы“ представлены частью материалами кузнецкого этнографа—любителя Д. Т. Ярославцева и сборами З. С. Гайсина в 1924 г.—всего имеется 67 предметов за 55 номерами. Шорцы представлены предметами домашнего обихода, промысла и отчасти культа, среди которых заслуживает особого внимания чрезвычайно примитивного устройства—идолы домашние духи покровители—„курмежеки“, и употребляющееся и единственное у шорцев по р. Мрас-су до настоящего времени орудие для ручной обработки земли для посева ячменя—„абыл“—мотыга.

Слабо представлены случайными поступлениями киргизы—всего 30 предметов.

Сравнительно очень ценными и интересными предметами представлены якуты—всего 123 предмета за 60 номерами. Среди этих материалов можно отметить прекрасное шитье (нашивки цветными материями, бисер, серебро и т. п.) принадлежности свадебного поезда, особый прибор—дорожный „календарь“, якутского изделия ручная пила с костяной рукояткой с изображением на последней льва. Интересны в этих материалах также деревянные сосуды—„чорон“ с ручной резьбой и наконец наибольшую ценность представляет коллекция серебрянных изделий якутов—серьги, броши, браслеты, кресты и т. п. с очень тонкой, сложной чеканкой и чернью.

Урянхайский край—сойоты и минусинский край—хакасы представлены частью отдельными поступлениями, но главным образом художественными зарисовками в красках Том. худ. С. К. Просвиркиной, бывшей в Урянхайском и Минусинском крае в командировке от Томского Кустарного Комитета в 1917 году. Среди этих материалов можно отметить богатый шелковой китайской материи сойотский женский костюм, кожаные сосуды и художественные зарисовки типов сойот и хакасов, их быта, костюмов и отдельных частей принадлежностей костюмов, а также предметов домашнего обихода.

Все эти зарисовки поражают чрезвычайной красочностью всего домашнего обихода хакасов и сойотов, их большим художественным вкусом. „Всего имеется зарисовок 108 и 38 предметов. Здесь же должно заметить, что часть сборов Просвиркиной в Урянхайском крае 174 предмета—резьба из камня и дерева находятся в отделе Востока, где о них будет сказано особо. Таким образом всего по Урянхаю и Минусинскому краю 212 предметов и 108 зарисовок.

Наконец в этом же отделе необходимо отметить материалы по музыкальному народному творчеству алтайцев, хакасов, сойот и монголов— это записи народных мотивов на валики фонографа, произведенные в разное время этнографом-музыкантом А. В. Анохиным— всего имеется 190 валиков-мотивов. Эти материалы представляют исключительную музыкальную и этнографическую ценность.

Среди материала не вошедшего в отмеченные выше коллекции под рубрикой „разное“ заслуживает внимания резьба из мамонтовой кости, самоедов Тобольского севера— это модель самоедского чума с группой самоедов и оленями с нартами, а также гребень с ажурной, ювелирно тонкой резьбой по кости. Всего по отделу этнографии таким образом числится 739 предметов за 312 номерами. Ко всему этому должно присоединить богатый иллюстрационный и некоторый картографический материал, а также зарисовки и письмо в красках с натуры по некоторым народностям,— остяки, якуты, тунгусы, енисейские остяки...

Отдел этнографии является одним из основных отделов всякого местного Краевого Музея, в том числе и Томского и, как таковой, должен привлекать внимание и силы всех местных музейных работников и вообще краеведов в направлении пополнения, расширения отдела и, в первую очередь необходимо, по нашему мнению, создание отдела русской этнографии, где бы нашла отображение наша деревня в столь интересный для науки момент ее жизни— момент коренной ломки всего деревенского уклада. Жизнь не ждет... былое уходит... спешите сохранить его для науки!

Далее следует отдел, так называемый „Зал Востока“, не являющийся непременной принадлежностью Краевого Музея. Наличие его объясняется чисто историческими условиями возникновения, музея. Этот отдел представляет собой большую художественную и этнографическую ценность и заслуживает при обозрении большого внимания.

Здесь собраны предметы китайского, японского и отчасти сойотского и монгольского искусства, культа и быта. В коллекции по буддизму представлено 36 изображений Будды, среди которых особенно интересна очень древнего происхождения бронза-Будда, сидящий на единороге

Интересны также с бытовой стороны предметы культа, так называемые, молитвенные мельницы, столь распространенные у нас у байкальских бурят, в Монголии и Тибете. Эти мельницы, как известно, являются механическим прибором, заменяющим в случае необходимости „живую молитву“.

Главный же интерес представляет „зал Востока“ в художественном отношении. Здесь особенно интересна чуткость художника к свойствам материала, которым он располагает, применение соответствующей техники при его обработке, так что мы имеем максимальные достижения в смысле выявления прелести того или иного материала. Именно под этим углом зрения и необходимо рассматривать предметы искусства Китая и Японии. Здесь мы имеем и необычайную прелесть глазурной поливы на фарфоре, монументальность камня, выразительность массы в бронзе, живописность дерева и ювелирную тонкость обработки слоновой кости... Здесь отметим гарнитур китайской мебели полированного дерева— ручная резьба китайских мастеров-художников, представляющая интерес, как в смысле художественного выполнения, так и со стороны техники обработки дерева.

Имеется в отделе значительное собрание китайских и японских ваз, среди которых заслуживают особого внимания две большие японские вазы XVIII в. времен расцвета фарфорового производства;—вазы эти помимо их древности прелестны простой цельно-выдержанной формой и мягкому, ласкающему глаз цвету. Еще более древняя китайская ваза синяя по белому фону—орнамент-узор изображающий драконов. Ваза эта относится к эпохе династии Мин и сделана в 1468 г. и представляет большую ценность.

Интересны также старинные японские вазы—клуазане—перегородчатая эмаль, а также новые японские образцы ваз изящной работы с изображением ириса и птиц...

Интересна также резьба из дерева (XVIII в. изображение Лао-Цзи основателя даосизма).

Особенно художественно ценна акварель-букет цветов, написанный на тонкой-как облатка, рисовой бумаге, он кажется почти фарфором; чувствуется, что это вещь; нет европейского стремления обманно передать освещение, глубину за предметом и т. п. и, тем не менее, не смотря на такие с точки зрения европейского искусства недостатки, этот узор кажется живым, чувствуется как бы соки наполняющие листья и стебли...

Имеются здесь также ценные образцы шитья шелком, японские картины—черный полированный фон и по нему инкрустация слоновой кости и перламутра. Чрезвычайно интересны работы сойот—резьба по камню и дереву; здесь художник своеобразными приемами обработки камня, в примитивно плоскостных формах удивительно удачно передает силу и величие; эти работы в миниатюре напоминают памятники древнего Египта. Резьба по камню чрезвычайно распространена в Урянхайском крае и здесь имеются большие, прославленные в своем роде мастера и искусство это несомненно обещает интересное будущее по удивительной выразительности камня в примитивных формах его обработки. Искусство это во всяком случае заслуживает большого внимания наших художников. Всего имеется 174 предмета за 37 номерами по искусству сойот. Весь зал Востока включает в себе 430 предметов за 160 номерами. Образцы фарфора и сойотская резьба по камню ожидают своих исследователей.

По Отделу „Старина Томского Края“ имеется собрание старинных карт, планов различных городов Томского края, чертежей, фотографий, художественных зарисовок, гравюр, портретов и тому подобных различных предметов, имеющих исторический интерес для Томска и Томского края.

Этот отдел Музея, несмотря на его сравнительную бедность, все большее и большее значение играет в жизни Музея, привлекает все большее внимание и музейных работников и посетителей,—любителей Музея—и это понятно. Томск один из древних городов Сибири, насчитывает более 320 лет своего существования. Понятно, что здесь есть своя старина, полная значения и интереса, достойная внимания и ее запечатления. Здесь в известных чертежах Семена Ремезова конца XVII века представлен постепенный ход занятия русскими современного Томского края—„земля Сургутского города, Нарымского, Томского, Кузнецкого“. Здесь мы находим и чертежи этих крепостей того времени. Здесь же находим и фотографию с единственно сохранившегося, как бы современника основания Томска—фотографию с иконы дара царя Бориса Годунова боярскому голове Писемскому и Тыркову на основание „Томского города“,—Подлинник этой иконы, представ-

ляющий, таким образом, необычайный интерес для томичей, находится в Благовещенском соборе.

Интересна гравюра „вид города Томска“, где город весь расположен еще по правую сторону р. Ушайки, на Воскресенской горе виднеется еще крепость—деревянные стены и башни, а также Успенский монастырь, а за Ушайкой, за городом виднеется Алексеевский монастырь. Гравюра должна быть отнесена к половине XVIII века.

Заслуживает внимания также ценное собрание старинных планов различных городов Томского края, как например: 1) план Кузнецка и Кузнецкой крепости, 2) план Семипалатинской крепости 1836 г., 3) Бийской крепости, 4) План Каинска, 5) г. Нарыма 1836 г., 6) План г. Кийска (Мариинска) и др. Самый Томск 19 столетия представлен 3 планами—1830, 1846—56 г.г., 1883 г. и старинными планами и чертежами отдельных частей города, пригородов, всего планов 26 экземпляров. Сюда же должно отнести большое собрание различных чертежей старинных и типичных зданий этапов, тюрем, больниц, соляных амбаров и т. п., а также чертежи бывших каторжных заводов Кереевского, Краснореченского—всего чертежей 165 экземпляров.

Интересны зарисовки общего вида и отдельных частей (раб. худ. И. И. Тютикова 1920 г.) Кузнецкой крепости в современном ее состоянии;—крепость эта, как известно, является единственным на всю Сибирь памятником древнего каменного крепостного строительства.

Здесь же имеется древняя пушка, найденная в берегу р. Ушайки под обрывом горы, где была крепость; надо полагать—это пушка начала XVIII века—Томской крепости.

Из альбомов представляют интерес альбомы рисунков первого Томского художника Кошарова, а также альбомы литограф. видов Томска 1871 года с работ художника Колосова. Из портретов можно отметить портрет загадочного старца Федора Кульмича, известного жертвователя на Сибирский Университет Томского золотопромышленника Цибульского, строителя Бесплатной Библиотеки Валгусова и нек. др.

Особо должно отметить уголок декабриста—сибиряка Г. С. Батенькова, бывшего в Томске дважды—за время реформ Сперанского 1818—22 г.г. и в ссылке с 1846 по 56 г.г. Здесь можно отметить портрет Батенькова—пастель художника Блюменталья, (зарисовки строений по планам Батенькова), план Томска чертежа Батенькова, фотографию домика, где он жил в Томске и т. п.

Из отдельных предметов можно отметить вериги юродивого начала XX столетия, представляющие известный бытовой интерес вчерашнего дня (юродивый умер в 1913 году), английские часы XVIII в. и юбилейные ленты полкового знамени Томского 42 полка с юбилейными датами 1811 г. (столетний юбилей) и 1911 г. (200 л.).

Наконец, в этом же отделе находятся художественные зарисовки архитектурной старины Томска, зарисовки послужившие началом, как это отмечалось в начале очерка, всей работы по созданию самого Музея. Зарисовки эти вместе с находящейся здесь красной мебелью стиля „ампир“ дают особый аромат эпохи 30—40 годов для уголка старый Томск.

В зарисовках представлены наиболее интересные, типичные памятники старинной архитектуры Томска и его окрестностей, начиная с 30-х годов 19 столетия и, главным образом, памятники стиля ампир.

В зарисовках этих мы имеем любопытные крестьянские постройки д. Каштак, Федосеевки, с. Семилужного и др. В центре расположены зарисовки строений стиля „ампир“, богато представленного в Томске

в середине прошлого века; здесь мы имеем своеобразное претворение этого стиля в дереве как в целом, так и в деталях—колоннах, пилястрах, капителях и т. п. Строгий стиль „ампир“, предназначенный для монументальных построек, наивная глухая провинция смягчила и придала ему чарующую прелесть...

Имеем мы здесь постройки и других стилей и азиатское влияние в многокрасочности построек и сложности, вычурности резьбы; представлены и самобытные старого Томского типы постройки и наконец деревянные руины, их борьба с всеокрушающим временем...

Былое вокруг нас, оно отходит в область преданий, спешите его зафиксировать!..

Вот эту то работу и продолжает Музей по отделу „Старина Томского края“ и в частности по старинной архитектуре по отделу имеется 252 зарисовки и 70 фотографических снимков, а всего по старине Томского края имеется 484 предмета за 309 номерами.

Былое вокруг нас... познайте старое, чтобы творить новое!..

Приступаем наконец к ознакомлению с художественным отделом культурно исторического отделения Музея—его завершением.

Здесь прежде всего необходимо остановиться на характеристике самого здания Музея, с которым тесно, органически связан художественный отдел в его некоторых частях, как например „зал Ампир“.

Главное здание Музея принадлежало когда то томскому золото-промышленнику И. Д. Асташеву, построено архитектором А. П. Деевым в 40-х годах 19 века и является высоко-художественным архитектурным памятником стиля „ампир“, наиболее выдержанным прекрасным образцом этого стиля в Томске. Два уличных фасада этого здания украшены в духе народной классики прекрасными колоннами „коринфского ордера“, часть его со двора носит, как это типично для барских усадеб того времени, более интимный характер.

Тот же парад высокого стиля в прекрасной старинной мебели, органически связанной с самим зданием.

В нескольких комнатах чувствуется „аромат эпохи“.

Памятники художественные, исторические несомненно должны включаться в дома, несаящие характер соответствующей эпохи, ибо только так—в сочетании архитектуры, мебели, картин, бронзы и исторических документов,—по памятникам материальной культуры может быть понято то или иное время, усвоен дух эпохи; в этом смысле дом Асташева—единственный в своем роде в Томске памятник. Этим объясняется и вся история того, как он стал Музеем, вмещающим в себе памятники Томской старины и зачатки местной картинной галереи.

Перенесенный в другое место художественно-исторический отдел Музея—стильная мебель, гобелены, картины (старая живопись) не смогли бы воссоздать памятник высокой художественно-исторической ценности, выважить дух эпохи...

Памятник этот имеет и другой исторический интерес; в этом доме бывали известный анархист Мих. Александрович Бакунин и единственный сибиряк-декабрист Г. С. Батеньков, бывшие в ссылке в Томске, один из которых—Батеньков, особенно связан с прошлым Томска десятилетней жизнью в нем.

Художественный отдел включает в себе три зала, в которых имеются образцы художественного творчества различных направлений, начиная с некоторых образцов старой западной живописи и, кончая футуристами, правда, представленных отдельными, подчас, случайными экземплярами и с пробелами в смысле освещения последовательно ху-

дожественных направлений. Один из зал художественного отдела—„зал ампир“ создан в духе 30-х годов прошлого столетия—эпохи расцвета стиля „ампир“ у нас в России.

Так называемый стиль „ампир“ есть высшая точка тех устремлений к мотивам античного, классического искусства, которые в архитектуре Западной Европы получили решительное преобладание в середине XVIII века.

В России наибольшего расцвета это направление достигло в блестящую эпоху нашей архитектуры—эпоху Александра I, почему этот стиль в России именуется „александровским классицизмом“, получившим в Петербурге и Москве своеобразные оттенки.

Переносясь далеко за пределы столиц в дворянские усадьбы, этот стиль занес классические мотивы глубоко в недра нашей России и между прочим и в наш „старый Томск“.

Вместе с постройками этого стиля создавалась и соответствующая—стиля ампир обстановка.

И вот „зал ампир“ воспроизводит обстановку 30—40 годов; мебель, выставленная в этом зале подленная работа, прекрасно выдержанная в стиле „ампир“. По времени своего возникновения она может быть отнесена к 40 годам прошлого века—имеет почти столетнюю давность.

Мебель прекрасна своим основным созвучием: черного, синяго и золота, мощными и изящными линиями, парадна и торжественна; великолепны и классические детали—сфинксы, маски и гирлянды... Четкая и легкая ясность, соединенная с парадным великолепием—основная черта стиля... Обстановка эта очень близка к мебели одного из зал Зимнего дворца.

В этом же стиле имеем здесь золоченые, бронзовые часы, композиция которых выдержана в пирамидальной общей массе с классическими мотивами орнамента... Общая масса оживлена бурным движением фигур...

Чрезвычайно ценны два бронзовых золоченых чеканных рельефа, работы лучшего русского медальера знаменитого художника александровской эпохи Ф. П. Толстого, изображающие сцены из Одиссеи—правый—пир женихов у Пенелопы в доме Одиссея, левый—избиение женихов, возвратившимся домой, Одиссеем. Чрезвычайно красивы „гобелены“ (тканые ковры—картины для стен), исполненные по композициям француз. худ. Ланкре. В розоватом тумане выплывают зеленовато-синие в тенях массы деревьев, розовые, желтые фигуры кавалеров и дам... Сцены имеют темой, так называемые—„любственные празднества“—сцены танцев, игр и развлечений на лоне несколько меланхолической природы. Гобелены интересны и по технике—это ручное тканье из цветных ниток.

Из картин находящихся в этом зале заслуживает особого внимания очень ценная старинная копия с работы испанского художника Мурильо XVII в. „Отдых св. семейства на пути в Египет“ (большое полотно, купленное Музеем в Томске в 1924 году)—подлинник у нас в Эрмитаже. Очень ценна картина старого итальянского письма XVI в. „Рождество Христово“. Интересны также образцы старой голландской (копии) живописи и наконец великолепная работа русского художника Неффа—60 г.г.—портрет дамы (большое полотно).

Эти ценные образцы старой живописи производят чарующее впечатление; они вполне уместны на общем фоне представленной здесь в других образцах западной и русской церковной живописи, образцах

старого портретного письма и совершенно гармонируют с общим тоном зала, не нарушая ласкающего душу аромата классицизма.

Переходя к обозрению других зал художественного отдела, можно отметить образцы, характеризующие некоторые направления русской живописи, начиная с передвижников, а также работы местных томских художников, как прошлого времени, так и современных, что особенно важно и должно всегда иметь место и особый смысл в местном Краевом Музее.

Из направлений представленных здесь можно отметить прежде всего наш первоначальный академизм, который представлен этюдом проф. Маркова, рис. худ. Малявина и некоторыми другими. Далее следуют работы, характеризующие передвижников, которые, не выдержав старого формального, замкнутого в себе академизма ушли в жизнь, стали писать ее, как она есть, совсеми ее горестями и радостями, ставя на первый план требования определенного смысла работы, известной ее общественной тенденции. Важно—„что писать“, а „как писать“—это стоит на втором плане, говорили они.

Среди этих работ необходимо отметить картину худ. Федотова—копия известной картины И. С. Репина „Бурлаки“. Эта работа имеет весьма серьезные достоинства. Общий силуэт группы, идущих по берегу, бурлаков, подбор отдельных типов и общий теплый тон полотна сообщают ему и в этой копии также весьма значительную ценность и во всяком случае достаточно характеризует это направление.

Следующее поколение художников устремилось, как известно, в противоположную крайность. Если передвижники, заботясь о том „что писать“, забывали о том „как писать“, то художники, сгруппировавшиеся вокруг Общества „Мир искусства“, считали, что важно—„как писать“; хорошо написанный, блестящий красками букет цветов больше дает, чем слабо изображенный какой либо момент жизни общества или просто человек. Эти художники, желая овладеть искусством цвета, красок, обратились к изучению французского искусства импрессионистов и неоимпрессионистов. Художники этого направления, желая передать пятнами чистых красок яркость воздуха и света, начали писать под открытым небом. Среди этих работ, представленных в Музее, ярче по цвету и сильнее по формам работы большого московского художника Кончаловского (7 экземпляров). Из чашек и плодов („Natur morte“) он создал радующий глаз сочный узор красок; особенно замечательны его акварели с видами Гренады и Севильи—сочетание красок ярких, жгучих они прекрасно передают жгучий юг, солнце Испании.

В подобных же работах другого художника эти красочные искания носят какой то особый нежный оттенок; поэтическая грусть Левитана дает интимную прелесть, задушевность работам М. М. Полякова. Таковы его грустный „левитановский“ „Закат“, интимная „Комната при вечернем освещении“ и др.

В нашу задачу не входит обзор, а тем более оценка всех имеющихся в отделе работ и, указывая на некоторые работы, мы лишь пытаемся как бы набросать основные пятна общей картины, уловить настроение, дух картинной галереи.

Необходимо отметить работы известного русского художника—сибиряка В. И. Сурикова (3 экз.), польского художника Коссака, а также прекрасный образ русской девушки, работа неизвестного автора школы Венецианова.

Представлено в Музее также и левое течение вплоть до футуризма; здесь мы имеем, правда, незначительные работы, самого отца рус-

ского футуризма Бурлюка; работы Оскара Янкуса — „Улица города“ и „Последний трамвай“ довольно удачные, выразительные образцы футуризма, стремящегося передать в красках бурный поток повторных меняющихся впечатлений, переживаний художника. Эта живопись, как думают фатуристы, созвучна веку машин, больших городов, — „небоскребы“ их сфера. Правда, теперь уже футуризм многие считают не живописью „будущего“, а „давно прошедшим“. Близка к футуризму и работа Вериги-Чудновской, Курзина и Уфимцева. Наконец необходимо отметить графику талантливого немецкого художника Руд. Ваккера.

Помимо основных отмеченных нами моментов, как показателей известных направлений, Музей располагает, и в этом одно из его основных заданий, работами многих местных художников, как старой плеяды, так и современных.

Здесь мы имеем работы художников прошлого времени А. Э. Мако, Л. П. Базановой — „портрет Потанина“, „Грузчики“, „портрет Макушина“, работы Капустиной.

Видное место занимает упомянутый уже М. М. Поляков, а также Гуркин — этот своеобразный самородок горного Алтая с его большой работой — „Хан-Алтай“ (композиция) и несколькими другими картинами. Имеется также, правда, не в характерных для него полотнах художник-барнаулец Никулин.

Более близкое время представлено работами Н. Ф. Смолина, Шульпинова, Тарского, Зеленевского, Хазова, Лобанова, Солодовникова и др... Скульптура представлена слабо. Здесь можно отметить работы О. П. Поповой — русской эмигрантки в Америке — бронзовый бюст Макушина и большая скульптура „рабочий с женой“ — работа была на русской художественной выставке в Париже и подарена автором в 1914 году „Дому Науки“ в Томске. Имеется скульптура — модель памятника революции в Томске, копия с работ барона Клодта, бронза. Скульптура С. Н. Просвиркиной.

Всего по художественному отделу числится 465 экземпляров — картин, этюдов, эскизов, рисунков, декоративных работ и т. д. из которых выставлено 168 экземпляров в трех залах.

Одна из главных работ по художественному отделу — его пополнение работами по возможности всех местных художников прошлого времени и современных, дабы таким образом дать местный материал и по художественному творчеству, где бы можно было проследить историю художественной жизни Томска, который имеет в этом отношении значительное прошлое.

И в настоящее время художественный отдел, обладая отмеченными экспонатами, несомненно представляет собой основу местной картинной галереи.

Имея вышеуказанные отделы, культурно-историческое отделение Музея в настоящее время заключает в них всего 2218 экспонатов в количестве 6323 предметов.

В заключение совершенно особо должно отметить библиотеку и историческое книгохранилище, которые к данному моменту вместе взятые всего содержат 6398 книг. Принципиально предрешенное подразделение книжных богатств на библиотеку Музея — общего пользования для музейных работников и на историческое книгохранилище, как часть культурно-исторического отделения Музея, предназначенное для особой охраны книг исторической и библиографической ценности, подразделение это практически еще не завершено. Историческое кни-

гохранилище Музея обладает несомненно историко-библиографическими ценностями, среди которых, помимо отмеченных уже выше рукописных книг, можно отметить, как лишь примерные, следующие книги; рукописное на славянеком и греческом языке послание Александрийского Архиепископа Афанасия Петру Великому, труды некоторых академиков и первых исследователей Сибири—на русском и немецком языках как например: Миллера, Палласа, Крашенинникова, Миттендорфа, Миссершмидта, Гагемейстера и др.

Заключение.

Заканчивая краткий обзор отделов Музея, позволим подвести итоги всех имеющихся в нем материалов, как уже вполне обработанных и выставленных в Музее или хранящихся в его фондах и архивах, так и сырых материалов, находящихся в процессе научной обработки, а также его книжных богатств, а именно: 1) естественно-исторический отдел 790 экспонатов, в них 5429 предметов, сырых материалов 8660 предметов; 2) общественно-экономический отдел 302 экспоната, в них 724 предмета; 3) культурно-исторический отдел 2218 экспонатов, 6323 предмета, а всего по Музею 3310 экспонатов, в них 12476 предметов и сырых материалов 8660 предметов, и наконец 6398 книг по библиотеке и историческому книгохранилищу.

Обладая всеми указанными отделами с их значительными музейными ценностями, Томский Краевой Музей при содействии группирующихся около него общественных и научных сил в виде Общества Изучения Томского края, Общества по изучению художественного творчества и Комитета содействия Музею несомненно займет видное место, как в научной жизни Томского края, так и во всем его культурном строительстве.

Обращая ретроспективный взгляд на пройденный путь, Краевой Музей с чистой совестью может сказать; „Я сделал, что мог, пусть другие сделают больше“, а невероятные затруднения, индифферентизм окружающей среды и жестокие тернии на его пути невольно обращают наше внимание к „Апологии Музея“—статье помещенной в одной из книг Казанского Музейного Вестника*), выдержками из которой и позволим закончить наши очерки; „Апология Музея“ основана на философии нашего самобытного и смелого мыслителя Н. Ф. Федорова, о котором Л. Н. Толстой в свое время сказал: „Я горжусь, что живу в одно время с подобным человеком“. По мысли Н. Ф. Федорова Музей должен открывать все виды, все степени, все данные науки всем нуждающимся в знании Но в то же время он должен быть местом занятий ученых специалистов, а для того, чтобы сделать труды последних возможными, он должен быть пополняем всем необходимым научным аппаратом, всеми вспомогательными учеными и учебными учреждениями, библиотекою, обсерваторией, лабораториями, учебными кабинетами Музей должен иметь характер учреждения не только пассивно поучающего, но и наблюдательного, экспериментального, проэктивного и активного. Музей есть научное учреждение положительное, созидательное, активное, а если так, он не может ограничиваться, как думают некоторые, областью одного исторического знания и вообще человековедения. Служа последнему он вместе с тем есть орган природоведения, изучения стихийных сил в целях обладания этими силами, для победы над слепой неразумной силой, силы

*) „Казанский Музейный Вестник“ № 2--1922 г. Э. Голлербах: „Апология Музея.“

разумной волевой и моральной“, а отсюда, скажем мы, Музей есть орган и обществоведения.

Современный Музей вообще уже вышел на путь осуществления сознанный в идеале задачи—сделаются живой лабораторией для проявления творчества—в области ли эстетической, в сфере ли научной мысли, или практического строительства жизни Музей сделался необходимостью для науки и для всех видов школы. Музей постепенно проникается тенденцией взять на себя частично задачи школы и в то же время сделаться постоянной живой органической потребностью для духовно-растущей народной массы“.

Подобное состояние Музея является целью устремлений всех друзей музейного дела в настоящее время. Кто же эти друзья Музея.? Это не только специалисты музейные работники—это самые широкие слои местного населения, поскольку Музей изучает, отображает местный Край, поскольку краеведение есть высшая точка демократизации науки,—Музей—открытая книга даже для неграмотных.

Особенно жизненное, актуальное значение получает Музей именно в наше время—время переоценки всех ценностей, время строительства новой жизни на развалинах прошлого, когда мы подобно древним грекам, говорившим: „познай самого себя“, должны сказать: „познай свой край“, „познай старое, чтобы творить новое“.

Усвоив этот взгляд на значение и назначение Музея вообще, мы не находим достаточно горячих слов убеждения, чтобы обратиться ко всем учреждениям, организациям и отдельным лицам с призывом проводить практически идею широкой поддержки Томского Краевого Музея, как важного культурного учреждения Томского Края, ибо лозунг: „познай свой край“—это значит не только сам познай, но и „дай познать другим“.!

Литературные источники о Томском Краевом Музее:

- 1) Журнал „Казанский Музейный Вестник“—1920 г. № 7—8. В. Ф. Смолин—„Охрана памятников искусства и старины в Сибири“.
- 2) Журнал „Краеведение“—1924 г. № 3. Хроника—Томск—„Томский Краевой Музей“ М. Ш.
- 3) Газета „Советская Сибирь“ 1924 г. № 247. „Культурные сокровища Сибири“.
- 4) Журнал „Северная Азия“—1925 г. книга 5—6. А. Тихомиров—„Искусство в Сибири“ (Томск).

Цена 30 коп.

.....
Отдельный оттиск из сборника
„Труды Томского Краевого Музея“
Том I, стр. 1—37
.....